

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра теории германских языков и межкультурной коммуникации
45.03.02 Лингвистика

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой ТГЯиМКК
_____ О.В. Магировская

« ____ » _____ 2021 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА
**ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОБРАЗА
ГЛАВЫ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В
АМЕРИКАНСКИХ СМИ**

Выпускник

Е.В. Воробьева

Научный руководитель

канд. пед. наук,
доц. каф. ТГЯиМКК
Е.В. Еремина

Нормоконтролер

М.В. Файзулаева

Красноярск 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ПОЛИТИЧЕСКИЙ МЕДИАДИСКУРС В СОВРЕМЕННЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ	6
1.1. Основные подходы к изучению политического медиадискурса.....	6
1.2. Особенности изучения «образа» в современной лингвистике	17
1.3. Особенности формирования образа главы государства в СМИ.....	22
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1	33
ГЛАВА 2. ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОБРАЗА ПРЕЗИДЕНТА РФ В МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ США	35
2.1. Языковые средства милитаризации образа В.В. Путина в новостном издании The New York Times.....	35
2.2. Языковые средства демонизации образа В.В. Путина в новостном издании The Washington Post	49
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2	60
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	62
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	64
ПРИЛОЖЕНИЕ А	69
ПРИЛОЖЕНИЕ Б.....	73

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время Россия и США являются одними из крупнейших мировых держав. Взаимоотношения между этими двумя странами привлекают внимание не только политологов, но и ученых из других областей знания. Не исключением стала и лингвистика. Специфика взаимоотношений России и США находит свое выражение в медиадискурсе, который в современном мире является пространством для формирования определенного восприятия действительности.

На сегодняшний день СМИ являются одним из мощнейших средств, способных оказывать влияние на формирование общественного мнения. Зачастую основной становится не информативная, а манипулятивная функция. В связи с этим интересным для изучения представляется специфика формирования образа главы иностранного государства в СМИ. Образ президента играет важнейшую роль во внешней политике государства. От того, какой образ российского президента репрезентируется в сознании граждан США, будет зависеть и успех его политической деятельности.

Актуальность выбранной темы обусловлена тесной связью образа политического лидера и СМИ. На сегодняшний день масс-медиа, являясь одним из ключевых каналов политической коммуникации, способны оказывать активное влияние на общественное мнение.

Кроме того, СМИ являются мощным инструментом формирования образа политического лидера. Изучение языковых средств репрезентации образа главы государства имеет важное значение, так как президент является лицом своей страны, а, следовательно, оказывает непосредственное влияние на формирование образа государства в целом.

Целью данного исследования является изучение особенностей формирования и репрезентации образа президента РФ В.В. Путина в медийном пространстве США.

Предметом исследования являются языковые средства репрезентации образа главы государства в современном политическом медиадискурсе.

В качестве **объекта** исследования выступает образ главы государства в американских СМИ.

Обозначенная цель определяет необходимость решения следующих **задач**:

- 1) рассмотреть основные подходы к изучению политического медиадискурса;
- 2) проанализировать особенности изучения «образа» в системе лингвистической науки;
- 3) выявить особенности формирования образа главы государства в сми;
- 4) рассмотреть способы репрезентации образа главы иностранного государства в медиапространстве США.

Материалом исследования послужили англоязычные статьи авторитетных американских интернет изданий The New York Times и The Washington Post. На официальных сайтах было отобрано 300 статей за период с 2019 по 2021 год, содержащих упоминание о В.В. Путине.

Методы исследования, используемые в данной работе: метод сплошной выборки, с помощью которого были отобраны языковые средства, репрезентирующие образ президента, метод контекстуального анализа, который позволил интерпретировать лексические единицы в соответствии с контекстом, а также метод словарных дефиниций, выявляющий основные семы значений.

Во Введении указаны актуальность работы, цель, задачи, объект, предмет, а также материалы исследования.

В Главе 1 *«Политический медиадискурс в современных лингвистических исследованиях»* представлен анализ научной литературы в соответствии с задачами данного исследования.

В Главе 2 «*Языковые особенности репрезентации образа президента РФ в медианпространстве США*» содержится анализ и описание особенностей языковых средств, формирующих образ президента России в современных изданиях США.

В Заключении собраны практические выводы по исследуемой проблеме.

Список использованных источников содержит 44 наименования.

ГЛАВА 1. ПОЛИТИЧЕСКИЙ МЕДИАДИСКУРС В СОВРЕМЕННЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

1.1. Основные подходы к изучению политического медиадискурса

Специфика политики заключается в ее дискурсивном характере, так как большинство политических действий представляют собой акты речевой коммуникации. По мнению Н.Д. Арутюновой дискурс – это «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания» [Арутюнова, 1990: 136]. Т. Ван Дейк предложил подходить к исследованию дискурса не как к изолированной текстовой структуре, а как к «сложному коммуникативному явлению, включающему в себя социальный контекст, который дает представление об участниках коммуникации» [Дейк, 1989: 113]. Дискурс как социальная практика предполагает диалектическую взаимосвязь между определенным дискурсивным событием и ситуацией, институтом и социальной обстановкой, которые служат основой для этого события, но в то же время и само дискурсивное событие влияет на социальную обстановку [Тичер, 2009].

Специфика репрезентации образа главы государства предопределяется особенностями политического дискурса. Данный вид дискурса ориентирован не на отражение, а на создание и воссоздание объективной реальности, в нашем случае – создание образа политического лидера. Образ, являясь собирательной категорией, формируется посредством репрезентации его деятельности в средствах массовой информации. Образ – это дискурсивно конструированная категория, зависящая от множества факторов и «привязанная к определенным условиям, событиям, настроениям и иным маркерам ситуации» [Берендеев, 2011: 91].

Изучение образа политического лидера не представляется возможным без исследования политического дискурса. В.А. Маслова отмечает, что в лингвистической литературе термин «политический дискурс» употребляется в двух смыслах: узком и широком. В широком смысле он включает такие формы общения, в которых к сфере политики относится хотя бы одна из составляющих: субъект, адресат либо содержание сообщения. В узком смысле политический дискурс – это разновидность дискурса, целью которого является завоевание, сохранение и осуществление политической власти [Маслова, 2008].

Основополагающей характеристикой политического дискурса является его содержание и цель. Целью политической коммуникации является борьба за власть. «Под политической коммуникацией понимается любая передача сообщений, предназначенная оказать влияние на распределение и использование власти в обществе, особенно если эти сообщения исходят из официальных правительственных институтов» [Schudson; цит. по: Шейгал, 2000: 35]. Содержание политической коммуникации сводится к публичному обсуждению распределения общественных ресурсов, права принимать судебные, законодательные и исполнительные решения, а также применения санкций [Там же].

В своем исследовании Е.И. Шейгал выделяет три основных подхода к изучению политического дискурса в рамках лингвистических исследований: дескриптивный, критический и когнитивный [Шейгал, 2000]. Дескриптивный подход предполагает «изучение языкового поведения политиков: языковых средств, риторических приемов и манипулятивных стратегий, используемых политиками в целях убеждения» [Там же: 18]. Помимо этого, данный подход подразумевает контент-анализ содержательной стороны политического текста, при помощи которого удастся выявить ценностные ориентиры политиков, а также ряд их личностных особенностей.

Критический подход главным образом направлен на критический анализ существующего социального неравенства, нашедшего отражение в

языке политической коммуникации. Язык рассматривается как средство власти и контроля. Также важным является то, что исследователь, работающий в рамках дескриптивного подхода, непредвзято относится к политической и социальной ситуации; критический же анализ предусматривает открытое отстаивание исследователем интересов той или иной группы.

Когнитивный подход помогает выявить взаимосвязь языка и идеологии. Идеологизация – это неотъемлемая часть политического дискурса, так как участники коммуникации представляют определенные институты и политические группы. Идеология предопределяет вербальное поведение коммуникантов, обуславливая выбор тех или иных коммуникативных стратегий и тактик, пресуппозиций и риторических приемов.

М.В. Гаврилова предлагает четыре метода лингвистического изучения политического дискурса: критический, когнитивный, описательный и количественный [Гаврилова, 2002].

Критический дискурс-анализ нацелен на исследование лингвистических составляющих социального взаимодействия групп и индивидов. Анализ элементов языка дает ученым возможность выявить «имплицитно выраженные установки в системе социальных отношений и показать скрытые эффекты воздействия дискурса на эту систему» [Гаврилова, 2002: 88]. И, как уже ранее отмечалось в работе Е.И. Шейгал, исследования, проводимые в рамках данного метода, сконцентрированы на вопросах социального неравенства.

Когнитивный метод представляет собой анализ фреймов, концептов и метафорических моделей, которые помогают воссоздать представление индивида о внешнем мире и установить его ценностные ориентиры. Кроме того, данный метод дискурс-анализа позволяет исследовать сложившуюся политическую ситуацию, так как внутренние представления лидера о мире являются частью объективной картины политической ситуации. К данному методу можно отнести концептуальный анализ, который направлен на

моделирование политической ситуации и воссоздание когнитивной схемы. Задачей исследователя становится описание минимальных условий для употребления того или иного понятия в коммуникации. В рамках концептуального анализа также выделяются несколько направлений, например, историко-этимологическое, главной целью которого является исследование различных способов употребления основных понятий социальной теории в политических текстах, а также выявление их содержательных отличий.

Описательный метод помогает лингвистам выявить языковые средства, используемые автором для контроля над сознанием собеседника. Установив контроль, автор получает возможность пропагандировать определённые политические убеждения. Задача исследователей состоит в описании речевого поведения политика, изучении речевых стратегий и тактик, а также в воссоздании личности политика. В рамках описательного метода также выделяется ряд направлений, например, лингвостилистическое (изучение стилистически маркированных языковых единиц и свойственных им коннотации), семантическое (изучение того, как общеупотребительные языковые средства, не обладающие стилистической окраской, могут нести в себе политические смыслы), психолингвистическое (позволяет оценить степень расхождения эмоционального и рационального восприятия политических явлений) и др.

Количественный метод (контент-анализ) помогает ученым, опираясь на количественные характеристики текста на уровне слов и словосочетаний, сделать предположения о его содержании, а также сделать выводы о намерениях, желаниях и ценностных установках автора.

Все вышеперечисленные подходы к изучению политического дискурса направлены на выявление взаимодействия языка и политики. Кроме того, можно заметить, что все они носят междисциплинарный характер, что вновь подчеркивает актуальность изучения политического дискурса в различных областях знания.

Изучив основные подходы к изучению политического дискурса, также необходимо выявить его основные характеристики, которые отличают его от других видов дискурса. Политическая коммуникация призвана выражать определенные взгляды на социальную, политическую обстановку и существующие проблемы. Однако, высказывая определённую позицию, автор, так или иначе, вступает в полемику с людьми, придерживающимися иных убеждений или относящимися к другим политическим лагерям. Таким образом, ключевой характеристикой и отличительным признаком политического дискурса является его полемичность. К полемичности относятся такие свойства политической коммуникации, как идеологизация речи, преувеличенная абстракция, лозунговость, стремление к агитации и претензия на абсолютную истину [Демьянков, 2002]. Полемичность находит свое отражение в отборе языковых средств, которые признаны утвердить определенные политические воззрения и ценности, а также выразить негативное отношение к оппоненту.

Тексты политической коммуникации выстроены таким образом, чтобы оказать воздействие на сознание получателя. Основной целью является не простое описание, а привлечение слушателей на сторону говорящего. Речь может считаться успешной, если автору удалось найти точки соприкосновения с аудиторией, с их системой ценностей и мировоззрением [Там же]. Таким образом, следующей существенной характеристикой политического дискурса является его эффективность. Как отмечает В.З. Демьянков, политический дискурс «по своему характеру направленный на внушение, учитывает систему взглядов потенциального интерпретатора с целью модифицировать намерения, мнения и мотивировку действий аудитории» [Там же: 40]. Для эффективности коммуникации также важно создать у адресата ощущение добровольного принятия чужого мнения, актуальности и вовлеченности.

Для эффективности политического дискурса текст должен быть выстроен в соответствии с определенными стратегиями и тактиками, которые

помогут оказать воздействие на адресата и убедить его принять определенную точку зрения. Отстаивание определенных позиций является еще одной характеристикой данного вида дискурса. Выступающий, как правило, ориентируется на то, что аудитория уже заранее знакома с его политической деятельностью, отстаиваемыми интересами и политическим лагерем, к которому принадлежит политик. Говорящий должен обозначить конкретный повод для своего выступления, подчеркнуть его репрезентативность, а также подчеркнуть социальную значимость и ответственность. Политический лидер стремится опровергнуть мнения и аргументы оппонента, а также, в некоторых случаях, дискредитировать его личность.

Таким образом, основными характеристиками политического дискурса является оценочность, агрессивность, эффективность и отстаивание точки зрения. Политики прибегают к различным тактикам, чтобы донести свою позицию до аудитории таким образом, чтобы слушающие не заметили навязывание чужой точки зрения. Кроме того, политический дискурс полемичен, так как наряду с внедрением определенного мнения в сознание слушающих, выступающий также должен внушить негативное отношение к своему оппоненту.

Важно также рассмотреть вопрос функциональной специфики институционального дискурса. К данной проблеме можно подойти с двух сторон: во-первых, с точки зрения преимущественной ориентации на выполнение той или иной общеязыковой функции; во-вторых, с его системообразующей интенции, в противопоставлении другим видам дискурса [Шейгал, 2000]. Если рассматривать политический дискурс в аспекте общеязыковых функций, то, наряду с религиозным и рекламным, он входит в группу дискурсов, для которых ведущей является регулятивная функция. Эта функция ориентирована на адресата, а именно на регуляцию его поведения (побуждение к действию или запрет, воздействие на адресата, с целью изменения его намерений и т.д.). Если же подходить к специфике

политического дискурса с точки зрения его интенциональности, то следует отметить, что основной функцией данного вида дискурса является его использование в качестве инструмента политической власти (борьба за власть, овладение властью, ее сохранение, осуществление, стабилизация или перераспределение) [Там же].

Р. Дентон и Г. Вудвард отмечают противоречивость функций, свойственных политической коммуникации. По их мнению, политический дискурс является своеобразным связующим звеном, способным «прокладывать путь к компромиссам, делая факты и аргументы достоянием общественности», но в то же время это язык фракционности (разделения), который может обострить противоречия в обществе до крайней степени. «Политическая риторика многолика: она может информировать, воодушевлять, успокаивать, разделять и сеять вражду» [Denton, Woodward; цит. по: Шейгал, 2000: 50].

Если рассматривать политический дискурс с точки зрения содержательного компонента, то можно выделить следующие его виды [Рыбакина, 2009]:

- институциональный политический дискурс, к которому относятся тексты, созданные политиками и используемые в политической коммуникации (напр. публичные выступления, дебаты, интервью политических лидеров);
- масс-медийный политический дискурс, в рамках которого используются журналистские тексты политической направленности, распространяемые в различных средствах массовой информации;
- официально-деловой политический дискурс, связанный с аппаратной коммуникацией, в рамках которой создаются тексты, предназначенные для сотрудников государственного аппарата;
- тексты, созданные «рядовыми гражданами», к данному типу могут относиться обращения граждан в политические структуры, а также письма в СМИ.

В рамках политического дискурса зародилось также изучение президентского дискурса. Ряд ученых, например, Н.Г. Бабич, О.В. Спиридовский, А.П. Седых, О.В. Атьман, Е.А. Нахимова, Е.И. Шейгал, А.П. Чудинов и Э.В. Будаев рассматривают президентский дискурс как подтип политического дискурса с видоизмененными свойствами второго: медийность, сверхметафоричность, прецедентность. Но в то же время существует и иная точка зрения. А.В. Худяков в своей диссертации, вслед за В.И. Карасиком, рассматривает президентский дискурс как самостоятельный тип институционального дискурса, для которого характерно общение в определенных границах статусно-ролевых отношений. Наряду с этим, президентский дискурс находится под довольно сильным влиянием языковой личности президента [Худяков, 2018].

Целью президентского дискурса «является осуществление обязанностей, возложенных на президента Конституцией, а также обсуждение широкого круга проблем, не только политических, но и экономических, дипломатических, военных, образовательных и т.д.» [Там же: 45].

Президентский дискурс в ряде случаев опосредован СМИ. Как отмечает А.В. Худяков: «медиатизация президентского дискурса изменила модель института президентства, теперь президенту для осуществления эффективной коммуникации необходимо строить и поддерживать определенный имидж, прибегать к услугам спичрайтеров и имиджмейкеров» [Там же: 50]. СМИ освещает практически все сферы жизни общества, а наибольший интерес для медийной сферы представляет личность политического лидера. СМИ выступают связующим звеном между президентом и его аудиторией.

Так как на сегодняшний день влияние СМИ очень велико, то «интерпретация транслируемых событий нередко приобретает большую значимость, чем само событие» [Gronbeck: цит. по Худяков, 2018: 71]. Практически любое публичное выступление президента получает освещение

в медиа, конечным получателем которого становится народ. Таким образом, информация на пути от президента к массовому потребителю проходит процесс понимания и интерпретации через СМИ, что может исказить исходное сообщение. Иногда исходное сообщение может пройти и гораздо большее количество этапов интерпретации на пути к своей аудитории.

Объектом данного исследования выступает образ главы государства, формируемый в СМИ, поэтому наибольший интерес для нас представляет именно политический медиадискурс.

Существует три основных подхода к определению дискурса – структурный, функциональный и тематический. Если подходить к определению медиадискурса в рамках структурной модели, то стоит вначале обратиться к «универсальному варианту» коммуникативной модели, которая включает в себя: отправителя сообщения, его получателя, канал, обратную связь, само сообщение, процессы его кодирования и декодирования, а также ситуацию общения или контекст [Добросклонская, 2008].

Структурный подход позволяет разграничить такие понятия как текст, медиатекст и медиадискурс. Обращаясь к приведенной выше коммуникативной модели, текст можно определить как канал информации, медиатекст как совокупность канала и сообщения, а медиадискурс как сообщение вместе со всеми остальными компонентами коммуникации.

Функциональный подход, определяя дискурс, рассматривает взаимосвязь речеупотребления с различными сферами человеческой деятельности, определяющей особенности коммуникации. С точки зрения данного подхода медиадискурс можно определить как совокупность текстов, функционирующих в сфере массовой коммуникации.

Тематический подход группирует устные и письменные тексты вокруг определенных социально значимых тем, например, терроризм или межэтнические конфликты. Перечисленные подходы представляются важными для полного понимания специфики медиадискурса. Т.Г. Добросклонская дает следующее определение медиадискурсу:

«Медиадискурс – это функционально-обусловленный тип дискурса, который понимается как совокупность речевых практик и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации во всем богатстве и сложности их взаимодействия» [Добросклонская, 2016: 20]. По мнению К.В. Никитиной политический медиадискурс – «сложное коммуникативное явление, имеющее своей целью борьбу за власть посредством формирования общественного мнения, включающее текст как вербализованный результат речи, контекст – ситуативный и социокультурный, а также специальные языковые средства, отвечающие целям и задачам дискурса» [Никитина, 2006: 11].

Говоря о медиадискурсе, в качестве ведущей его функции можно выделить отображение реальных событий в медиа ресурсах: «Механизм функционирования СМИ предполагает не только и даже не столько отражение окружающей действительности, сколько, и это гораздо более важно, ее интерпретацию, комментарий, оценку, способствующую созданию определенного идеологического фона» [Добросклонская, 2014: 182]. Этапы интерпретации события можно проследить на модели разворачивания информации, предложенной Т.Г. Добросклонской (рисунок 1) [Там же: 183].

Рисунок 1. Модель разворачивания информации

Как мы можем видеть, процесс интерпретации события СМИ представляет собой замкнутую цепь, состоящую из пяти взаимосвязанных звеньев. Отправной точкой автор предлагает считать этап отбора фактов, на котором журналисту предоставляется возможность отобрать актуальную, общественно значимую информацию. Уже на данном этапе проявляется функция воздействия, основанная на формировании определенной картины мира, предусматривающей освещение одних событий и исключение других, что отражает политико-идеологические взгляды медиагруппы.

Следующий этап – интерпретация событий, который дает некую свободу журналистам в толковании тех или иных фактов. Важными составляющими интерпретации являются предмет интерпретации, коммуникативная интенция автора, оценка, а также культурно-специфические и политико-идеологические факторы.

За интерпретацией события следует создание образов. На данном этапе СМИ могут сформировать как позитивный, так и негативный образ. Чем ярче получается образ, тем большее влияние он может оказать на общественное мнение.

На базе сформированных образов создаются стереотипы, играющие огромную роль в массмедийном дискурсе. Стереотипы представляют собой устойчивое представление о предмете или событии, обладающее ярко выраженное эмоционально-оценочной окраской.

Культурно-идеологический контекст формируется за счет влияния данных представлений на систему ценностей и отношений. Журналист, являясь представителем своей культурно-идеологической среды, освещает события сквозь призму своей картины мира, что неизбежно оставляет отпечаток на интерпретации события. Кроме того, СМИ ориентированы на интересы определенной аудитории, что снова возвращает нас к первому этапу – отбору фактов, которые будут интересны той или иной целевой аудитории [Добросклонская, 2008].

Таким образом, мы выяснили, что политический дискурс ориентирован на создание и воссоздание объективной реальности. Выделяется несколько подходов к исследованию политического дискурса: дескриптивный, критический и когнитивный, а также критический, когнитивный, описательный и количественный. К основным характеристикам политического дискурса относятся оценочность, агрессивность, эффективность и отстаивание точки зрения, а ведущей функцией является оказание влияния на общественное мнение. Подвидом политического дискурса является президентский дискурс, хотя некоторые ученые выделяют его как самостоятельный тип дискурса. Одной из целей данного типа является обсуждение, как политических, так и экономических, дипломатических, образовательных и других проблем. Как правило, президентский дискурс опосредован СМИ, поэтому важным представляется изучение политического медиадискурса. Ведущей функцией медиадискурса является отображение реальных событий в СМИ. Репрезентируя окружающую действительность, медиадискурс делает это через призму определенного восприятия. Проанализировав модель интерпретации события, предложенной Т.Г. Добросклонской, мы можем сделать вывод, что воздействие на аудиторию является главной составляющей медиа дискурса, а одной из его задач является формирование образов.

1.2. Особенности изучения «образа» в современной лингвистике

В век современных информационных технологий большой актуальностью обладают исследования, направленные на изучение методов конструирования и средств репрезентации образа политического деятеля в политическом медиадискурсе. Интерес к данному вопросу обусловлен, в первую очередь, развитием средств массовой информации, которые не только служат средством быстрой передачи разного рода информации, но и используются для формирования различных образов. Например, на

материале зарубежных печатных изданий можно проследить за методами конструирования и практического использования образа политического лидера зарубежного государства.

Ключевыми для исследований в данной области являются понятия образа и имиджа, которые имеют междисциплинарную природу и активно изучаются в таких науках как журналистика, психология, социология, психология, лингвистика и т.д., большое количество трудов посвящено разработке этих терминов. В настоящем параграфе будут рассмотрены современные подходы к вопросу определения сущности понятий образ и имидж в научной литературе.

Понятие образ не имеет единой четкой формулировки. Являясь объектом междисциплинарных исследований, данный термин находится на стыке таких общественных наук как журналистика, психология, литературоведение, политология, социология, лингвистика и т.д. По определению А.Ф. Лосева «образ получает с трудом формулируемую массу семантических оттенков и становится по-разному семантически нагруженным» [Лосев, 1995: 150].

С.И. Ожегов выделяет шесть различных значений слова «образ»: 1) в философии: результат и идеальная форма отражения предметов и явлений материального мира в сознании человека; 2) вид, облик; 3) живое, наглядное представление о ком-чем-н.; 4) в искусстве: обобщенное художественное отражение действительности, облеченное в форму конкретного индивидуального явления; 5) в художественном произведении: тип, характер; 6) порядок, направление чего-н. [Ожегов, 1992]. Данная словарная статья подчеркивает разностороннюю природу исследуемого понятия. Теперь рассмотрим трактовки понятия образ в различных науках.

В российской психологической традиции непосредственное отношение к исследованию понятия образа имеют труды таких ученых как Г.М. Андреев, Б.Г. Ананьев, П.К. Анохин, А.В. Беляев, С.М. Василевский, Л.С. Выготский, Н.Ю. Гончарова, А.В. Запорожец, И.С. Кон, А.Л. Крупенин, Н.Н. Ланге,

А.Н. Леонтьев, А.В. Либин, А.Р. Лурия, П.О. Макаров, В.Н. Мясищев, И.Е. Нелисов, В.А. Петровский, С.Л. Рубинштейн, И.М. Сеченов, М.Г. Ярошевский. Согласно В.А. Петровскому и М.Г. Ярошевскому образ рассматривается как «сложившийся в массовом сознании и имеющий характер стереотипа эмоционально окрашенный образ кого-либо... Это совокупность личностных характеристик индивида, нашедших своё отражение в восприятии окружающих...» [Петровский, Ярошевский, 1990: 215]. По мнению А.Н. Леонтьева в процессе построения образа предмета или ситуации главенствующую роль играет образ мира в целом, а не отдельные впечатления [Леонтьев, 1983]. «В рамках психологических наук образ выступает в качестве ментального репрезентатора в сознании человека внутренних переживаний, чувств, эмоций или объектов внешнего мира» [Гончарова, 2012: 33].

В политологии понятие образ исследуется такими учеными, как Е.Б. Шестопал, Н.М. Ракитянский, Т.Н. Пищева, Л.А. Преснякова, Е.А. Киктева, Н.Г. Щербинина, А.Р. Галлямов, Т.Н. Пищева, А.А. Гравер, А.Н. Леонтьев, А.Н. Киркин, О.П. Горбушина, К.О. Перцовская, И.Ю. Киселева, А.Г. Смирнова, К.Б. Джгамадзе. Политический образ, как и любой образ, является отражением реальных характеристик объекта восприятия, но, в то же время, выступает проекцией ожиданий субъекта восприятия, т.е. граждан. В политическом образе отражаются знания, представления, оценки, ожидания, эмоции и требования граждан к объекту восприятия [Пищева, 2011]. Е.Б. Шестопал трактует образ, как отражение личности лидера в массовом и индивидуальном сознании граждан [Шестопал, 2008]. По мнению А.Н. Леонтьева мы строим образ, отталкиваясь от объективной реальности, причем образ этот может быть как адекватным, так и ложным [Леонтьев, 1983].

В российской журналистике понятие образ рассматривалось такими учеными как И.С. Смирнова, С.С. Ширин, Н.М. Боголюбова, Ю.В. Николаева, Т.Э. Гринберг, И.В. Сидорская, Л.В. Матвеева, М.Д. Замская. Под образом,

как правило, понимается субъективное воспринятое «отражение» чего-либо, представление о чем-либо. [Гринберг, 2008]. Или же воспроизведение осознанного автором явления с помощью тех или иных материальных средств и знаков, например, с помощью речи [Мельник, Тепляшина, 2004]. Как утверждает И.В. Сидорская, образ – это продукт стихийно сложившегося восприятия, к которому не прилагались целенаправленные усилия, того или иного объекта [Сидорская, 2015]. Но, в тоже время, существует мнение, что образ политического лидера, внедряемый в массовое сознание, есть отражение его реальных личностных характеристик, а также качеств, сформированных его деятельностью, средствами массовой информации, политической рекламой на фоне соответствующих стереотипов массового сознания [Матвеева, Замская, 2012]. Также стоит заметить, что понятие образа в журналистике часто соотносят с понятием художественного образа, «для которого характерно сопоставление, соотнесение с отличающейся от него внешней действительностью. Образы выступают для субъекта уже не как “сама реальность”, а как ее идеальная реконструкция, “как модель”, активно соотносимая с оригиналом» [Ким, 2001: 20].

В лингвистической традиции общепринятым является изучение смыслового содержания понятия имидж. В данной науке понятия образ и имидж имеют существенное концептуальное различие. Имидж политического лидера целенаправленно конструируется СМИ, в то время как образ – это стихийно формируемое явление, природой которого являются речь и высказывания политического лидера. По мнению С.Б. Дектерева под образом подразумевается не только образ мысли и поведение человека, но и визуальный, зрительный облик [Дектерев, 2013]. Английское слово «image» (от лат. «*imago*» – изображение, подобие) сложно для интерпретации в силу его обширных смысловых границ. В Кембриджском словаре слову *image* даются следующие определения: 1) образ или представление о чем-либо, формируемое в нашем сознании; 2) то, как объект воспринимается другими людьми; 3) ментальный образ или идея, которые формируются в сознании

читателя или слушателя из слов, которые он прочел или услышал; 4) образ, отражение [Cambridge Dictionary, 2019].

Е.Н. Богданов и В.Г. Зазыгин считают, что имидж является специально сконструированным психическим образом, создаваемым с определенными целями. Под имиджем также понимается образ, возникший в психике человека в результате восприятия этим человеком тех или иных характеристик определенной личности [Богданов, Зазыкин, 2003]. А.В. Прохоров справедливо отмечает, что имидж выступает той коммуникативной единицей, которая позволяет работать с массовым сознанием. Отбор определенного набора характеристик из общей массы и формирует имидж [Прохоров, 2013]. Имидж – это непосредственно или преднамеренно создаваемое визуальное впечатление о личности или социальной структуры [Шепель, 2002].

К исследованию понятия имидж в лингвистике имеют отношение такие ученые, как Э.В. Будаев, В.И. Карасик, В.Б. Кашкин, Е.С. Кубрякова, А.В. Олянич, А.Ю. Панасюк, Г.Г. Почепцов, А.П. Чудинов, Е.И. Шейгал. А.Ю. Панасюк так определяет понятие имидж: «Имидж – искусственный образ, формируемый в общественном или индивидуальном сознании средствами массовой коммуникации и психологического воздействия. Имидж создается (пропагандой, рекламой) с целью формирования в массовом сознании определённого отношения к объекту. Он может сочетать как реальные свойства объекта, так и несуществующие, приписываемые. Деловой имидж специально проектируется в интересах человека или фирмы с учетом особенностей ее деятельности, внутренних и внешних качеств» [Панасюк, 2006: 25].

В словаре иностранных слов под редакцией И.А. Васюковой находим следующее определение: «Имидж – это целенаправленно формируемый образ какого-либо лица, предмета, явления, призванный оказать на кого-либо эмоциональное и психологическое воздействие» [Васюкова, 1998: 236]. Кроме того, под имиджем понимается «публичное Я человека» – намеренно

сконструированный образ, сведенный к «одной значимой характеристике» [Карасик, 2010: 70; Почепцов, 2001: 150]. Также справедливо замечание Е.С. Кубряковой, о том, что «имидж – это тот образ, который по тем или иным причинам призван заменить реальный объект или же представлять лицо или некую другую сущность (от характера и облика человека до государства и иных властных структур) в глазах (восприятии) других людей» [Кубрякова, 2008: 6]. Очень точно отражает сущность имиджа определение Г.М. Андреевой: «Имидж – это специфический «образ» воспринимаемого предмета, когда ракурс восприятия умышленно смещен и акцентируются лишь определенные стороны объекта. Поэтому достигается иллюзорное отображение объекта или явления. Между имиджем и реальным объектом существует так называемый «разрыв в достоверности», поскольку имидж сгущает краски образа и тем самым выполняет функцию механизма внушения» [Андреева, 2007: 164 – 165].

Таким образом, мы можем видеть, что понятие образ и имидж имеет обширный круг семантических оттенков, где выбор того или иного значения зависит от области знания, в которой рассматриваются данные термины. В лингвистической традиции значительное внимание уделяется изучению понятия имидж, так как в отличие от образа он не формируется стихийно, а создается искусственно и целенаправленно, чаще всего реализуясь в СМИ. В настоящей работе мы будем рассматривать особенности формирования образа политического лидера и придерживаться определения образа как стихийно формируемого, дискурсивно конструированного явления.

1.3. Особенности формирования образа главы государства в СМИ

Образ и имидж репрезентируют определенную языковую личность, главное различие состоит в том, что образ в сознании народа формируется стихийно и без постороннего вмешательства, а к созданию имиджа прикладывают усилия ряд специалистов. Образ и имидж политического

лидера формируются за счет определенных характеристик, являющихся значимыми для народа, поэтому структура формирования этих двух понятий будет довольно схожа. Рассмотрим модели формирования имиджа политического лидера.

Как отмечает Г.Г. Почепцов: «Отбор из практически бесконечного объема характеристик до весьма ограниченного и формирует имидж» [Почепцов, 2005: 113]. А.Ю. Панасюк в своей работе говорит о том, что если речь идет о человеке, то одной из составных частей имиджа может выступать «внешний вид» и «тогда эту составную человека можно назвать габитарным (*gabitus* – внешний вид) имиджем». Кроме того, автор отмечает, что в данное понятие входят не только внешние характеристики, но и внутренние, включающие психическое отражение каких-либо качеств человека [Панасюк, 2005]. Е.С. Кубрякова, анализируя литературные произведения, также подтверждает мнение А.Ю. Панасюка о том, что между понятиями «имидж» и «внешний облик человека» прослеживается тесная связь [Кубрякова, 2008].

Е.Н. Богданов и В.Г. Зазыкин в своем труде разработали ряд моделей формирования имиджа, строящихся на разнообразных качествах политика, которые, в свою очередь, и являются характеристиками имиджа:

1. Простая трехлучевая модель. Состоит из нравственных качеств, интеллектуальности и потенциала личности. На практике данная модель может реализовываться путем освещения СМИ образованности политика, его умения анализировать ситуацию, выдвигать конструктивные решения, а также строить надежные прогнозы на будущее.

2. Четырехлучевая модель. Помимо нравственных качеств, интеллектуальности и потенциала личности здесь появляется новый вектор – лидерские качества (например, авторитетность, авторитарность, инновационный подход и т.д.).

3. Трехлучевая модель имиджа типа «личность – деятельность – отношения». Данная модель отличается от предыдущих тем, что она ориентируется не только на обобщенные личностные качества, но и на

деятельность политика (как настоящую, так и прошлую), а также на его поведение, отношение и общение.

4. Многофакторная модель. Данная модель основана на применении методов экспериментальной психосемантики. При помощи опроса избирателей исследователями был выстроен семантический ряд, состоящий из качеств и умений политиков, которые оказались наиболее значимыми для общества. Этот ряд входит в основу имиджа политика. Факторы представлены по степени значимости:

- 1) харизма личности политика;
- 2) отношение к стране, народу;
- 3) вид и выражение лидерских качеств;
- 4) сильная воля;
- 5) умение эффективно действовать в экстремальных ситуациях;
- 6) личное обаяние;
- 7) высокий интеллект;
- 8) развитые коммуникативные умения;
- 9) высокие нравственные качества;
- 10) успешность предыдущей деятельности;
- 11) потенциал для дальнейшего профессионального роста;
- 12) эффективная деятельность;
- 13) внешние данные;
- 14) отношение к соратникам;
- 15) отношение к себе;
- 16) отношение к близкими [Богданов, Зазыкин, 2003].

Таким образом, опираясь на модели формирования имиджа, разработанные Е.Н. Богдановым и В.Г. Зазыкиным можно сделать вывод, что основные составляющие имиджа – это внутренние качества политика, образование, деятельность и межличностные отношения, а также его внешность.

И.Ф. Симонова утверждает, что структура имиджа человека зависит от объекта исследования и от подхода к изучаемой проблеме. Так структура имиджа может состоять из двух (индивидуально-личностных и профессиональных) или трех компонентов (личностных, профессиональных и социальных). К индивидуально-личностным компонентам относятся индивидуальные свойства (возраст, пол), конституциональные (телосложение, черты лица), личностные (желания, интересы, мировоззрения, убеждения), а также характер и морально-нравственные качества.

Социальные компоненты включают в себя социальные статус и роли, модели ролевого поведения, стиль жизни, основные каналы социального общения и отношения к окружающим людям, в том числе специфику и цели взаимодействия с ними. Кроме того, к данному параметру можно отнести культуру речи и манеру общения, используемый словарь, стиль одежды и ольфакторное поведение.

Профессиональный компонент является результатом профессионального развития и включает в себя профессиональную и культурную компетентность. Профессиональный компонент имиджа по своей сути является профессиональным портретом личности. По-прежнему открытым остается вопрос касательно внешних характеристик человека. Часть исследователей, например Е.Б. Перельгина, относит их к социальному компоненту, а другие, например Л.Г. Попова, включают их в профессиональный компонент [Симонова, 2012].

М.В. Шепель выделяет в структуре имиджа относительно устойчивые характеристики, называя их «ядром имиджа». По мнению исследователя к таким характеристикам относятся качества, унаследованные личностью, а также приобретенные в процессе социализации. К ним можно отнести «направленность личности, ценностные ориентации, социальные установки, Я-концепцию, детерминирующую все психические процессы» [Шепель, 2002: 115].

Еще одну типологию имиджевых характеристик предлагает Г.Г. Почепцов. Он предлагает условное деление на биологические, коммуникативные, социальные, мифологические, профессиональные и контекстные характеристики. Биологический тип резонирует с примитивными реакциями животного происхождения. Примером данного типа могут служить такие характеристики личности политика, как «сильный – слабый, вспыльчивый – спокойный и т.д.», а примерами реализации – командирский голос, уверенная речь или же характерная жестикуляция.

Коммуникативный тип связан с особенностями канала коммуникации. Сюда относятся умение вести беседу, открытость к диалогу, располагающая улыбка или умение рассмешить собеседника.

Социальный тип определяется представлениями политика о семье. К данному типу относятся такие характеристики как доброта, открытость, внимание и способность сопереживать. Примерами реализации социального типа могут служить внимательное слушание, сострадание, а также умение проводить встречи и переговоры.

Мифологический тип связан со стереотипными представлениями достаточно древнего характера. Политик может ассоциироваться с «рыцарем», который способен справиться с «врагами»; «отцом», заботливо оберегающим свое население; «освободителем», открывающим новые модели поведения и т.д. Об использовании методов политической мифологии также упоминается в работе Е.Н. Богданова и В.Г. Зазыкина. Авторы отмечают, что имидж политика может транслироваться в соответствии с особенностями мифа-образа, выбранного для политического лидера, и чем сильнее сходство политика с мифом-образом, тем проще программировать поведение и отношения людей. [Богданов, Зазыкин, 2003].

Профессиональный тип коррелирует с представлениями аудитории о профессии, иными словами он заключает в себе компетентность политика, успехи или провалы в профессиональной деятельности. На практике данный

тип может проявляться в умении отвечать на сложные вопросы, ораторском мастерстве политика и способности оказывать воздействие на публику.

Контекстный тип связан с зависимостью политического лидера от своего оппонента. Например, политик может выглядеть «слабым» на фоне «сильного оппонента» или же наоборот. Г.Г. Почепцов отмечает, данные типы характеристик дополняют друг друга, таким образом, нехватка одного из них может быть компенсирована большим введением другого типа. [Почепцов, 2005].

А.Ю. Панасюк, рассуждая о формировании имиджа, оперирует таким термином, как имиджформирующая информация. Она, в свою очередь, может делиться на два типа: прямая (информация движется от политика к аудитории) и косвенная (информация идет через других людей, которые уже сформировали определенное мнение о политике). Помимо этих двух видов, А.Ю. Панасюк также выделяет ложную имиджформирующую информацию. К данному типу относятся слухи, сплетни и разного рода легенды. Ложная информация нередко используется конкурентной стороной для формирования «инвертированного (отрицательного) имиджа» [Панасюк, 2005].

Посредством СМИ в сознании людей может формироваться некий идеальный образ политического лидера. Если рассмотреть имидж идеального политика по модели, предложенной Г.Г. Почепцовым, опираясь на характеристику идеального политического лидера, предложенную Е.В. Егоровой-Гантман [Егорова-Гантман, 1994], то политический лидер должен обладать следующими характеристиками:

– биологические: в качестве политического лидера представляется представительный мужчина приятной внешности, старше средних лет. Его речь, позы и жесты отличны от остальных. Например, речь политика должна быть медленной с продолжительными паузами. Строится она, как правило, в форме приказов. Культурные нормы предполагают, что лидер всегда говорит больше остальных. Кроме этого идеальный лидер должен обладать харизмой.

Народ подчиняется не просто личности, а личности, отстаивающей какую-либо могущественную идею. «Именно эта связь личности с идеей, это олицетворение великой идеи в великой личности и создает ту харизму вождя, которая неотразимо действует на массы» [Там же: 130].

– коммуникативные: в процессе коммуникации политический лидер должен демонстрировать впечатляющие решения, предложения и перспективы. При этом он должен проявлять свою приверженность общепринятым ценностям и идеалам.

– социальные: идеальный лидер должен выглядеть благожелательным и справедливым по отношению к своим союзникам и последователям. В представлении народа он должен являться образцом справедливости, мудрости и олицетворением нравственной власти.

– мифологические: великие лидеры – это храбрые и мужественные герои, приходящие на помощь своей стране, когда ее благополучие под угрозой, например, из-за стихийного бедствия или нашествия врагов. «Герой призван высшими силами избавить страну и народ от несчастья. Он мудр, добр и справедлив к друзьям, но беспощаден с врагами» [Там же: 131]. В результате герой одерживает победу. Кроме того идеальный лидер воспринимается как «отец», наделенный храбростью и справедливостью, способный защитить свое государство. Наряду с маскулинными («отцовскими») качествами, идеальный лидер совмещает в себе и фемининные («материнские») качества, такие как забота, сострадание, покровительство и любовь.

– профессиональные: идеальный политический лидер должен быть деятельным и инициативным, «чтобы действия, которые лидер предпринимает или действительно провозглашает, были восприняты публикой с энтузиазмом, они должны отвечать двум условиям: быть достаточно решительными и поражать воображение» [Там же: 132].

– контекстные: для идеального лидера важны не только настоящие действия, но и его прошлое. В связи с этим важным представляется

политическая биография лидера. Отсутствие опыта работы в политических структурах воспринимается народом как «политическая чистота», «отсутствие связей с коррумпированной властью». Так политически неопытный кандидат на лидерский пост может восприниматься как представитель народа. Стратегия «я один из вас» позволяет лидеру добиться чувства близости и любви народа.

Проанализировав исследования структуры имиджа нескольких авторов, можно прийти к выводу, что имидж формируется путем синтезирования ряда характеристик политического лидера, а именно: внешних данных, нравственной составляющей, коммуникативных особенностей, степени образованности, особенностей межличностного делового общения, кроме того в понятие имидж могут входить такие содержательные компоненты, как мифологическая характеристика и ложная имиджформирующая информация.

Для изучения средств формирования образа политического лидера, мы обратимся к структуре описания лингвокультурных типажей, предложенной О.А. Дмитриевой. Как отмечает автор: «Образ – составляющая лингвокультурного типажа» [Дмитриева, 2007: 119]. Образ является визуальным инструментом для его моделирования. О.А. Дмитриева в своем исследовании предлагает четырехслойную модель описания лингвокультурного типажа, в которую входят образно-перцептивная, понятийная, ценностная стороны и социокультурная справка. Образно-перцептивные характеристики автор объединяет в так называемый паспорт лингвокультурного типажа, в который входят девять категорий.

1. Внешний облик. Параметрические данные могут быть связаны с ценностными характеристиками. Так, например, излишний вес может быть подсознательно связан с пассивным образом жизни.

Одежда. Для некоторых типажей одежда может выступать в качестве социального символа, например, строгий костюм и рубашка может символизировать отнесенность типажа к политической деятельности. В

дополнение к данной группе можно отнести качество ткани (дорогая, качественная, дешевая и т.д.).

Возраст. Для некоторых типажей данный признак может являться центральным. Так, например, в сознании некоторых граждан политик – это человек в возрасте старше пятидесяти лет. Для некоторых типажей возраст может являться факультативным признаком.

2. Гендерная принадлежность. При описании типажей данный признак может варьироваться. Некоторые типажи принадлежат исключительно к одному полу, некоторые как к мужскому полу, так и к женскому. Например, согласно социологическому исследованию в роли политика чаще представляют мужчину, чем женщину [Морякина, 2015].

3. Происхождение или социальный статус. К данной категории можно отнести ценностные приоритеты типажа, а именно средства, используемые для подчеркивания социального статуса. Это может быть, к примеру, следование этикету.

4. Место жительства и характер жилища. На основе полученных сведений происходит моделирование типажа.

5. Сфера деятельности. Данный пункт отражает особенности коммуникативного поведения типажа. Например, профессиональная деятельность политического лидера наносит отпечаток и на его коммуникативное поведение, делая его этикетным и зачастую строго регламентированным.

6. Досуг. Полученные в данной сфере сведения, отражают ценностные приоритеты и образ жизни типажа.

7. Семейное положение. По мнению О.А. Дмитриевой «семья как оплот, гарантия стабильности выступает приоритетом для ряда лингвокультурных типажей, в то же время другие типажи не ассоциируются с данным концептом».

8. Окружение. Данный пункт подразумевает под собой ряд языковых личностей, коммуникативно связанных с исследуемым лингвокультурным типажом.

9. Речевые особенности. Выявленная речевая специфика, например, манера речи, языковая компетентность и стиль общения, помогает установить релевантные признаки типажа.

Следующим слоем выделяется понятийная составляющая лингвокультурного типажа. На данном этапе анализируются как наиболее значимые стороны и элементы типажа, так и понятия и образы, которые ассоциируются с лингвокультурным типажом. О.А. Дмитриева предлагает отнести к понятийной составляющей прецедентное имя и прецедентную ситуацию. Под прецедентным именем понимается «наиболее часто цитируемое имя лингвокультурного типажа, встречаемое в любом контексте относительно данного типажа», а под прецедентной ситуацией – «типичное поведение данного лингвокультурного типажа, демонстрирующее свойственные паттерны поведения этого типажа, легко всплывающие в сознании носителей родного или иностранного языка» [Дмитриева, 2007: 90].

Следующим аспектом в исследовании лингвокультурного типажа является социокультурная справка, при помощи которой отображаются историческая, культурная, социальная и психологические стороны типажа. Важным является то, что при исследовании коммуникативного поведения лингвокультурного типажа мы можем составить его ценностную характеристику. Одним из ключевых моментов здесь является самооценка типажа, которая отражена в языке при помощи таких конструкций как «для каждого из нас...», «мы, россияне...», «для нас, россияне...». За метафорой «мы» скрывается как положительная, так и отрицательная оценки представителей других групп.

Таким образом, структура формирования образа достаточно разнообразна и включает в себя как внешние характеристики исследуемого объекта, так и его семейное и социальное положение, профессиональные и

коммуникативные особенности, а также ценностные составляющие. В своей работе при исследовании языковых средств репрезентации образа политического лидера мы будем следовать трехлучевой модели, предложенной Е.Н. Богдановым и В.Г. Зазыкиным. Подробно на каждом из компонентов мы остановимся в практической части работы.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

Специфика политической коммуникации заключается в ее дискурсивном характере. Политический дискурс ориентирован на создание и воссоздание объективной реальности. В лингвистической науке существуют два подхода к анализу политической коммуникации. Первый предполагает изучение языкового поведения политиков, а второй – анализ содержательной стороны текстов политической коммуникации, позволяющей выявить ценностные и личные характеристики политического лидера. Ведущей функцией политического дискурса является влияние на общественное мнение.

Медиадискурс является видом политического дискурса, важнейшей функцией которого выступает отображение реальных событий в СМИ. Одной из задач данного типа дискурса является формирование образа. Отличительной особенностью медиадискурса является тот факт, что при репрезентации окружающей действительности, поступающая информация опосредуется личным видением ситуации журналистом. Таким образом, реальные факты сначала интерпретируются и комментируются специалистами и лишь в переработанном виде поступают к реципиентам. Поэтому, в зависимости от идеологического фона, создаваемого СМИ, образ может быть репрезентирован по-разному.

Понятия образ и имидж имеют обширный круг семантических значений, где выбор того или иного значения зависит от области знания, в которой рассматриваются данные термины. В лингвистической науке эти термины имеют концептуальное различие: имидж является целенаправленным, искусственно-формируемым явлением, а образ формируется в сознании людей стихийно, к нему не прикладываются целенаправленные усилия того или иного объекта. И образ, и имидж чаще всего формируются в СМИ. Однако материалом для исследования имиджа выступает прямая и косвенная речь политического лидера. В то время как

для изучения особенностей формирования образа необходимо обращение к текстам политического медиадискурса.

Образ является многофакторным явлением, включающим в себя различный спектр характеристик. Он может формироваться из обобщенных личных качеств политика, описания его деятельности, поведения и специфики общения. Некоторые ученые также включают в этот ряд внешние особенности человека, его цели и убеждения.

ГЛАВА 2. ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОБРАЗА ПРЕЗИДЕНТА РФ В МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ США

2.1. Языковые средства милитаризации образа В.В. Путина в новостном издании The New York Times

New York Times – это одна из самых уважаемых и монументальных газет современного печатного мира, издающаяся с 1851 года. Основатели, журналист и политик Генри Джарвис Рэймонд и бывший банкир Джордж Джонс, стремились создать надежный источник информации, который не будет распространять слухи и сплетни на уровне сенсаций и предсказаний. Согласно исследованию Калифорнийского университета, The New York Times присудили 63,5 балла по 100-балльной шкале (0 – наиболее консервативный уклон и 100 – наиболее либеральный уклон) [Groseclose, 2005]. Кроме того, американские ученые отмечают антироссийскую предвзятость издания и пропагандистский характер статей при описании событий последних лет [Boyd-Barrett, 2018]. В связи с этим, интересным представляется изучение специфики формирования образа президента РФ В.В. Путина.

Важную роль играют различные языковые средства, способствующие созданию в сознании читателя определённого эмоционально-окрашенного образа политического лидера. В современном медиа дискурсе США используется широкий круг лексем, позволяющих сформировать как положительно, так и негативно окрашенный образ президента российского государства. В нашем исследовании мы, проанализировав статьи крупного новостного изданий США – The New York Times, выяснили, какие языковые средства используются для репрезентации образа В.В. Путина.

При изучении новостных статей The New York Times, содержащих упоминания о российском президенте, нами было обнаружено частое употребление слов и выражений, относящихся к военной терминологии. Все

многообразия языковых средств можно условно разделить на три категории: репрезентирующие личностные качества, специфику деятельности, а также стиль общения В.В. Путина. В глазах читателей российский президент описывается суровым и непоколебимым правителем, действия которого направлены на захват власти и представляют угрозу для Запада. В то же время, акцентируются лидерские качества, высокие тактические навыки и аналитические способности президента.

При анализе собранного материала, представляющего личностные характеристики В.В. Путина, мы заметили тот факт, что, несмотря на тенденцию к репрезентации негативного образа, *The New York Times* отмечает превосходные тактические и стратегические навыки президента, благодаря которым ему удастся занимать лидирующие позиции на мировой арене. Например: «Putin **outsmarted** him», «Putin **outmaneuvered** Obama» (*The New York Times*, August 20, 2019); «Putin successfully **manipulated** an “unprepared” Trump <...> and **took advantage** of him again at a disastrous one-on-one meeting» (*The New York Times*, May 23, 2019). Кроме развитых стратегических преимуществ В.В. Путина в СМИ отмечается его выносливость и устойчивость перед внешним давлением: «Mr. Putin has proved **highly resilient** in the face of escalating international sanctions» (*The New York Times*, March 20, 2021); «To judge from Sunday’s deliberate show of force, Mr. Putin assumes he can **ride out** this latest turbulence» (*The New York Times*, February 2, 2021). Прилагательное «resilient» создает образ сильного президента, непоколебимого перед трудностями. Глагол «to ride out», употребляемый в военной коммуникации, означает выдержать атаку или выжить под ударом противника. Таким образом, президент изображается лидером, обладающим достаточной силой и уверенностью в себе, чтобы справиться с угрозой.

Личностные качества В.В. Путина репрезентируется через освещение его внешней и внутренней политики. Данная область представляется наиболее насыщенной для изучения лексических средств. Авторам статей

удается превратить политическую арену в поле для военных действий, где главной задачей становится перехитрить и уничтожить противника. Наиболее важным в военной сфере является выработка тактики и стратегии. В новостных статьях автор довольно часто прибегают к использованию подобных лексем для описания политического курса президента, например: «This is the same **tactic** used by Russian dictator Vladimir Putin and other autocrats» (The New York Times, April 4, 2020); «Dangling meetings is an **old technique** for Mr. Putin» (The New York Times, January, 20, 2020); «Mr. Putin's **escalatory approach** to foreign policy» (The New York Times, April 23, 2021); «**the ever-harder-line tactics**» (The New York Times, April 23, 2021); «Counterbalancing institutions, like a free and independent press and a federal judiciary, that are already demonstrating a deep resistance to the kind of **political steamroller techniques** that Mr. Putin **deployed** so effectively in Russia» (The New York Times, February 18, 2017); «It was a distillation, in short, of Mr. Putin's **tactical, high-stakes rule** that evokes his past as an officer in the **K.G.B**» (The New York Times, April 23, 2021). Последний пример особенно интересен. Здесь показано не только то, как образ президента милитаризируется при помощи отождествления его политического курса с военной стратегией, но и то, как его деятельность интерпретируется СМИ через призму его службы в КГБ. Также отмечается, что одной из излюбленных «тактик» В.В. Путина является «keeping **the adversary** guessing and off balance» (The New York Times, April 23, 2021). Существительное «adversary» играет важную роль в репрезентации милитаризованного образа президента, с его помощью политика сравнивается с военными действиями, где оппоненты воспринимаются как враги и противники. Следующий пример иллюстрирует стремление российского лидера защитить свое государство и не допустить повторение определенных исторических событий: «Mr. Putin's **battle** against what he belittled as the chaotic freedoms of the 1990s» (The New York Times, February 18, 2017). Языковая единица «battle» подчеркивает тактические навыки политика, а также его физическую силу. Создается образ лидера,

способного в одиночку вести «сражение». В статьях также отмечается, что президент решителен в своих намерениях и не готов «отступать»: «Mr. Putin **has not backed off**» (The New York Times, May 7, 2021). Глагол «to back off» репрезентирует образ твердо настроенного российского лидера, который добивается своего, не опасаясь быть побежденным. Таким образом, при помощи языковых средств, свойственных военной терминологии, издание подчеркивает такие личностные характеристики В.В. Путина, как высокие интеллектуальные, стратегические способности, его стойкость, выносливость и решительность.

В то же время, ряд примеров объективирует негативные составляющие образа В.В. Путина. Например: «**ready to face down wild tigers** in remote Russian forests» (The New York Times, April 14, 2020). Глагол «to face down» в военной коммуникации употребляется в значении прямого противостояния сил. Стоит обратить внимание и на упоминание тигра. В западной культуре это животное символизирует силу, агрессию и даже жестокость. Во фрагменте говорится, что В.В. Путин готов противостоять дикому животному, а это значит, что он умнее, сильнее и свирепее зверя.

Таким образом, мы можем заметить, что в издании The New York Times образ В.В. Путина включает в себя как положительные, так и негативные личностные качества. К первым относятся высокий интеллект, развитые тактические навыки, твердость и решительность, а также выносливость. Ко второй группе можно отнести агрессивность и жестокость.

Следующий блок языковых средств репрезентирует деятельность В.В. Путина. Одним из приемов создания милитаризированного образа президента в статьях The New York Times выступает упоминание военного прошлого президента, связанного со службой в КГБ. КГБ или «Комитет государственной безопасности» обеспечивал безопасность Советского Союза, а также занимался внешней разведкой. Хотя данная структура не функционирует уже длительное время, в сознании Запада еще остались отголоски ее деятельности, связанной со шпионажем, преследованиями и

расстрелами. Соотнесение В.В. Путина с работой в данной сфере создает в сознании читателя отрицательный и угрожающий образ: «As a young man, Mr. Putin **served** in the K.G.B., the Soviet Union's main intelligence agency, from 1975 to 1991. He worked in foreign intelligence, which required its officers to spend a quarter of their time **conceiving and implementing plans** for sowing disinformation. He rose to the **rank of lieutenant colonel**, and that his 16-year tenure coincided with a major K.G.B.» (The New York Times, April 14, 2020). В данном примере отмечается не только то, что президент «служил» в данном комитете, а также то, что его основной задачей было «conceiving and implementing plans for sowing disinformation». На фоне распространения информации о вмешательстве России в выборы США, аннексии Крыма, а также борьбы президента с оппозицией, упоминание этого факта может усиливать угрозу и страх в сознании американцев. Кроме того, автором статьи упоминается и звание В.В. Путина «lieutenant colonel». В связи с этим интересным представляется и другой пример: «sanctions **against Mr. Putin and his lieutenants**» (The New York Times, February 2, 2021). В данном фрагменте под «lieutenants» автор статьи подразумевает соратников президента, которые причастны к задержанию А.А. Навального. Стоит также отметить, что в новостном издании срок президентства В.В. Путина описываются при помощи существительного «tenure»: «Such memories have been **pushed aside** under **Mr. Putin's tenure**» (The New York Times, March 13, 2021). Под данной лексемой понимается срок службы в определенной должности. Таким образом, политическая деятельность президента сравнивается с военной службой. Читателям дают понять, что нынешнее президентство В.В. Путина неразрывно связано и подвластно его прошлому. Таким образом, автор как бы воссоздает картину военных действий или армейских условий, в которых Путин – «подполковник», действует руками своих «лейтенантов».

Наряду со службой в КГБ, в статьях упоминаются и времена Советского Союза. Например: «Mr. Putin himself has lamented that the Russia

of the early 21st century is a shadow of the Soviet Union that **trained him to be a K.G.B. agent**» (The New York Times, March 15, 2021). В сознании многих советская эпоха связана с Холодной войной и репрессиями. Автор статьи делает акцент на том, что именно на этот период приходится становление карьеры В.В. Путина, как сотрудника КГБ. Создавая подобную коннотацию, автор не только милитаризирует образ российского президента, но и подчеркивает враждебность в отношении иностранных государств.

При изучении медиа пространства США также можно встретить и упоминание Иосифа Сталина. Как правило, Владимира Путина сравнивают с этим политическим лидером по продолжительному сроку правления «At a little more than 16 years, **Putin is the longest-serving Russian leader since Joseph Stalin**, who ruled the Soviet Union for 30 years». (The New York Times, February 27, 2020); «**Only Joseph Stalin**, who led the Soviet Union from 1927 to 1953, **served** the nation longer» (The New York Times, May 11, 2020). Проведение параллелей со Сталиным несет негативную оценку. Упоминание политического лидера, связанного с Холодной войной и международной напряженностью, также создает милитаризированный образ В.В. Путина.

Милитаризация образа В.В. Путина на страницах The New York Times осуществляется и при помощи описания его агрессивных действий, направленных на дестабилизацию власти других государств и вмешательство в их политику. Так в новостных статьях нередко затрагивается тема вмешательства В.В. Путина в выборы США: «**mounting covert operations to influence people close to President Donald J. Trump**» (The New York Times, March 16, 2021). Словосочетание «to mount an operation» чаще всего используется в военной терминологии и означает «организовать или начать операцию». Кроме того, прилагательное «covert» также обладает военной спецификой, означая нечто тайное, прикрытое или засекреченное. Таким образом, СМИ говорят не просто о факте вмешательства российского президента в выборы США, а о «проведении им тайной операции». Конечно, в данном контексте речь не идет о реальной военной угрозе или

вооруженном конфликте, однако издание стремится подчеркнуть милитаризованность образа В.В. Путина, показать, что он готов прибегнуть к агрессии. Интересен и другой пример: «ready **to face down** the Kremlin's **foes** at home and abroad, and even wild tigers in remote Russian forests» (The New York Times, April 14, 2020). Глагол «to face down» в военной коммуникации употребляется в значении прямого противостояния сил. Лексическая единица «foe» чаще всего встречается в дихотомии «friend-or-foe» – «свой-чужой» и используется в ситуациях, когда речь идет о противопоставлении сил противников. Таким образом, авторы подчеркивают, что в политике В.В. Путина имеет место быть деление на «своих» и «чужих». Создается образ российского президента, не терпящего инакомыслия и готового жестоко расправляться с «чужими», как за границей, так и внутри страны. Однако, в то же время, некоторые примеры иллюстрируют и слабые стороны В.В. Путина: «After four years of deference from the Trump administration, President Vladimir V. Putin now finds himself in an uncomfortably **exposed position**» (The New York Times, April 16, 2021). В военной терминологии под выражением «exposed position» понимается открытая огневая позиция. С его помощью СМИ репрезентируют уязвимость российского президента, который, вопреки всем расчетам, может быть подвержен атаке.

The New York Times создает образ президента, чьи действия могут угрожать безопасности других государств. В новостном издании отмечаются намерения российского президента вторгнуться на чужую территорию: «Mr. Putin could still **mount an invasion** if he chooses» (The New York Times, May 7, 2021). Термин «to mount an invasion» обладает военной спецификой и трактуется как «начать вторжение». Данная языковая единица подчеркивает военизированный стиль правления российского президента. В.В. Путин репрезентируется решительным и уверенным в своих силах политиком, способным нанести вред другим странам. Усиливает враждебный образ и упоминание об аннексии Крыма: «Mr. Putin has proved highly resilient in the

face of escalating international sanctions imposed since he **took over Crimea** in 2014» (The New York Times, March 20, 2021). В военной терминологии выражение «to take over the country» обозначает захват страны. В.В. Путин представляется агрессором, угрожающим безопасности других стран. Другой фрагмент также освещают данный инцидент: «These deep imperial ties with Ukraine help explain why **Putin's brazen annexation** of Crimea was broadly popular within Russia» (The New York Times, March 8, 2021). В словаре находим следующую трактовку термина «annexation»: «possession taken of a piece of land or a country, usually by force or without permission» – завладение землей или страной, как правило, с применением силы и без разрешения [Cambridge Dictionary, 2021]. Данные примеры подчеркивают жестокость и злонамеренность действий российского лидера, что призвано внушить читателям страх. Российский президент, по мнению СМИ, угрожает не только безопасности стран, но и политической системе, например: «Putin has a well-earned reputation for allegedly **subverting the democratic process** at home and abroad» (The New York Times, May 11, 2020). Лексема «to subvert» употребляется для описания диверсионных действий, направленных на подрыв демократии. Таким образом, в глазах читателей В.В. Путин представляется стратегом, который, следуя определенной тактике, стремится дестабилизировать существующую власть. Также в новостных статьях говорится о намерениях российского президента «захватить» чужие территории: «Putin would try to **overrun** the rebel-held provinces of Ukraine, given the level of reaction this would provoke in the West» (The New York Times, April 21, 2021). В военной коммуникации глагол «to overrun» используется в значении «захватить, оккупировать». Используя данное языковое средство, автор статьи подчеркивает твердость и решительность действий президента, акцентируя внимание на его милитаризованности.

Важным является то, как в новостном издании описывается стремление В.В. Путина к захвату и сохранению власти. В статьях подчеркивается, что российский президент готов предпринять любые действия, для отстаивания

своих интересов: «Putin **seized** every opportunity **to push** what he wanted» (The New York Times, March 23, 2019). Само по себе словосочетание «to seize an opportunity» не имеет отрицательной коннотации, однако, в данном контексте оно создает образ президента, который намерен действовать в своих интересах в любой удобный момент. Кроме того, глагол «to push» часто употребляется в военной коммуникации, обозначая применение силы или оказания давления. Таким образом, репрезентируется образ политика, готового любыми средствами осуществлять задуманное. Изданием отмечается, что в некоторых областях своей политики, например, в обнулении своего президентского срока, В.В. Путину удастся «одержать победу»: «On the face of it, this would appear to be **a clear victory for Mr. Putin**, who has effectively proclaimed himself president for life» (The New York Times, February 2, 2021). Стоит отметить, что данный ход политика вызвал огромный резонанс в американских СМИ. Журналисты не упустили возможность милитаризировать данное событие. Словосочетание «a clear victory» подчеркивает, что российский президент готов воевать на фронте не только внешней политики, но и внутренней, действуя без учета интересов своих граждан.

Одним из средств, к которому прибегают журналисты для описания стремления В.В. Путина к власти, является метафора. Примером может служить предложение: «Vladimir Putin is **maneuvering** to maintain his **iron grip** on Russian politics» (The New York Times, February 18, 2020). Под метафорой «железная хватка» скрывается отсылка к тоталитарной власти, которая исключает любые проявления демократии в стране. В сознании читателя закрепляется образ Владимира Путина как властного и авторитарного правителя. Кроме того, глагол «to maneuver» неразрывно связан с военными действиями. В словаре находим следующее определение этой единицы: «to perform a movement in military or naval tactics in order to secure an advantage» – «обеспечение преимущества за счет выполнения определенных действий согласно военной или морской тактике» [Merriam-

Webster, 2021]. В данном фрагменте репрезентируется образ президента, который путем применения военной силы готов удержать власть над народом в своих руках.

Издание стремится подчеркнуть жажду власти российского президента, и подтверждением тому является следующий фрагмент: «**The performative blend of fear, suspense and force** that President Vladimir V. Putin **deploys to affirm his power** crescendoed this week, illuminating **the ever-harder-line tactics** to which he is prepared to resort to cement and project his influence (The New York Times, April 23, 2021). Существительные «fear, suspense and force» репрезентируют агрессивный и жесткий стиль правления В.В. Путина. Глагол «to deploy» присущ военной коммуникации, под ним понимается развертывание или переброска войск, их дислоцирование и перегруппировка. Прибегая к использованию данной языковой единицы, автор статьи подчеркивает военный характер деятельности президента. Страх, неизвестность и сила, это то «оружие», к которому прибегает политик, для утверждения своей власти.

Однако в одной из новостных статей встречается использование идиомы «to hold out an olive branch»: «Mr. Putin **held out an olive branch** to President Biden by appearing at his online climate summit» (The New York Times, April 23, 2021). В английском языке ветвь оливкового дерева символизирует предложение мирного урегулирования конфликта. Исходя из этого, можно сделать вывод, что автор статьи, используя данную идиому, упоминает о военизированном стиле правления российского лидера. Оливковая ветвь символизирует готовность В.В. Путина перейти к мирному урегулированию разногласий, что может говорить о его готовности к сотрудничеству.

Таким образом, через репрезентацию деятельности российского президента формируется образ агрессивно и враждебно настроенного политика, способного осуществлять задуманное любыми путями, даже если

для этого потребуются применение военной силы, но в то же время, готового сделать первый шаг на пути к сотрудничеству.

Следующим аспектом раскрытия образа В.В. Путина является описание стиля его общения с союзниками и противниками. В первую очередь стоит обратить внимание на то, как СМИ описывают распоряжения, отданные В.В. Путиным. Так, например, российского президента называют «всемогущим лидером» («**all-powerful leader**»), который не просто говорит, а отдает команды: «every word must be taken **as a command**» (The New York Times, May 25, 2020). В первую очередь внимание читателя привлечет существительное «a command», сфера употребления которого хоть и не ограничивается, однако превалирует в военном дискурсе. Следом же стоит обратить внимание на модальный глагол «must». Данная языковая единица в современном английском языке используется для реализации значения облигаторности. Используя самый сильный модальный глагол, выражающий долженствование, автор статьи указывает на власть президента, а в сочетании с прилагательным «all-powerful leader», на его неограниченную власть, которой необходимо подчиниться. Также можно обнаружить такие примеры, как «He has **ordered** an enormous troop buildup » (The New York Times, April 21, 2021) и «**ordering the assassination attempt**» (The New York Times, March 18, 2021). Интересен следующий фрагмент: «Mr. Putin **shot back** that the charge was fabricated in ways reminiscent of the run-up to the 2003 American invasion of Iraq» (The New York Times, April 12, 2017). В данном фрагменте под выражением «to shot back» подразумевается ответная реплика президента, но прямое значение данной фразы – отстреливаться, отвечать на огонь. Это создает впечатление краткости и резкости выражений, свойственные военным приказам. При помощи подобных глаголов создается образ В.В. Путина – жесткого военачальника, ведущего политическую деятельность по военным законам.

В издании репрезентируется образ политика, способного совершить в отношении оппонентов враждебные действия, например: «Mr. Putin is trying

to put new pressure on President Volodymyr Zelensky of Ukraine» (The New York Times, April 21, 2021). Словосочетание «to put pressure on» также находит свое применение в военном лексико-семантическом поле. В.В. Путин изображается лидером, в чьей власти оказывать давление на политиков, с которыми не сходятся его интересы. Более яркий пример: «President Vladimir V. Putin of Russia **authorized extensive efforts to hurt** the candidacy of Joseph R. Biden Jr. during the election last year» (The New York Times, March 16, 2021). В данном фрагменте, используя глагол «to hurt», авторы статьи постарались воссоздать образ российского лидера, способного не только оказывать давление, но и нанести реальный ущерб противнику.

Интересным представляется и тот факт, что в The New York Times часто упоминаются оппозиционеры В.В. Путина, а также довольно ярко описывается реакция президента на их появление. В издании создается образ политика, не готового мириться с каким-либо инакомыслием, и всеми силами стремящегося его подавить. Например: «Mr. Putin has worked **to crush** any serious political opposition» (The New York Times, March 27, 2017). Глагол «to crush» подразумевает полную победу над кем-либо. Таким образом, В.В. Путин представляется лидером, готовым «разбить» лагерь своего оппозиционера, чтобы ничто не угрожало его власти. Следующий пример лишь подчеркивает данную мысль: «Putin has been trying **to stifle** dissent more and more aggressively» (The New York Times, March 29, 2021). Прямое значение глагола «to stifle» – задыхаться, в данном же контексте оно употребляется в значении «подавить, остановить», оба варианта подразумевают применение силы и физического насилия. Тем самым, автор статьи делает акцент на том, что в России любое инакомыслие опасно, потому что президент может любыми способами заглушить не согласных, а многочисленный примеры отравлений и убийств оппозиционеров, в которых американские СМИ обвиняют В.В. Путина, лишь внушают больше ужаса читателям. Наряду с глаголом «to stifle» можно встретить и употребление глагола «to silence» в аналогичном контексте: «an attempt by Mr. Putin **to**

silence his loudest domestic critic» (The New York Times, March 15, 2021). Интересно то, что оба этих глагола, репрезентируя агрессивный, милитаризированный образ президента, выражают действия, совершенные от первого лица, т.е. самим В.В. Путиным, а не через его подчиненных. Данный прием нацелен на создание в сознание читателя образа политического лидера, несущего опасность, и зарождает мысль, что угроза исходит не от самой России, а именно от президента. Также упоминается, что В.В. Путин обладает достаточной силой, чтобы дать отпор оппонентам: «The opposition is going to find ways to keep the pressure on, and the Kremlin will find means of **fighting back** even harder» (The New York Times, March 29, 2021). Выражение «fight back» репрезентирует образ президента, способного ответить ударом на удар. Противостояние власти и оппозиции уподобляется военным действиям, где стороны не просто выражают свои точки зрения, а отстаивают их, прибегая к силе. Стоит заметить тот факт, что и другие политические лидеры ждут от В.В. Путина ответного удара: «Obama, who had expected **Putin to retaliate**, asked his national-security team what happened, which turned up the Flynn-Kislyak calls» (The New York Times, January 13, 2021). Глагол «to retaliate» в военной терминологии обозначает нанесение ответного удара. Таким образом, в сознании читателей российский президент представляется агрессивным лидером, от которого априори ожидается ответная реакция на негативные действия.

Таким образом, можно прийти к выводу, что в современном новостном издании The New York Times существует тенденция к милитаризации образа В.В. Путина. Данное явление реализуется через акцентуацию личностных качеств президента, его деятельности, а также специфики отношения с подчиненными, союзниками и оппозиционерами. Для репрезентации личности В.В. Путина используются такие выражения, как «to outsmart», «to outmaneuver», «to take advantage», «to ride out», «resilient», «tactical», «diversionary tactic». С их помощью формируется образ эрудированного, решительного, уверенного в себе и своих действиях политика, обладающего

стратегическими навыками, которые помогают ему переигрывать своих оппонентов. Пласт лексики, объективирующий характеристику политической деятельности В.В. Путина, представлен такими языковыми единицами как «lieutenant», «invasion», «victory», «foe», «to serve», «to conceive a plan», «to seize», «to keep the adversary off balance», , «to mount an operation», «to subvert», «to maneuver», «to hold an olive branch». Подобные примеры, относящиеся к военному лексико-семантическому полю, репрезентируют агрессивность, жесткость и решительность действий российского президента. Кроме того, в The New York Times деятельность президента интерпретируется через призму его службы в КГБ, что подчеркивает военизированный характер стиля правления, а также готовность к применению реальной силы. Политическая арена превращается в поле для военных действий, а В.В. Путин в командира, готового вторгаться в чужие государства и захватывать власть. Третья группа языковых средств отражает специфику отношений между российским президентом и его оппонентами. В данном разделе можно выделить следующие языковые средства репрезентации образа российского президента: «command», «assassination attempt», «to order», «to crush», «to silence», «to retaliate», «to harass», «to fight back», «to hurt», «to stifle», «to authorize». С их помощью в сознании читателей закрепляется враждебный образ В.В. Путина, способного радикально расправиться с инакомыслием, а также нанести жесткий ответный удар. Более подробно лексика представлена в Приложении А.

2.2. Языковые средства демонизации образа В.В. Путина в новостном издании The Washington Post

The Washington Post является одним из старейших и влиятельных американских ежедневных изданий, основанным в 1877 году Стилсоном Хатчинсом. Постепенно газета заняла господствующее положение в мире массмедиа и сыграло значительную роль в крупнейших политических скандалах в истории США. В настоящее время The Washington Post входит в число ведущих ежедневных изданий страны. Газета зарекомендовала себя репортажами о политических событиях Белого дома, Конгресса и других аспектах деятельности американского федерального правительства. В конце XX века редакционная политика придерживалась позиций Демократической партии США. В XXI веке издание изменило свою политическую ориентацию и перешло на сторону консерваторов.

Новостное издание прибегает к различным лексическим средствам, которые акцентируют определенные характеристики политического лидера. Мы выяснили, что The New York Times репрезентирует милитаризованный образ В.В. Путина, используя языковые единицы с военным лексико-семантическим полем. При анализе статей, опубликованных на страницах The Washington Post, нам удалось отследить иную закономерность. В данном издании также существует тенденция к репрезентации негативного образа российского политика, однако, значительный пласт занимает лексика с сугубо отрицательной коннотацией, объективирующая такие характеристики В.В. Путина, как авторитарность правления и стремление к неограниченной власти, коррумпированность, а также агрессивность и криминализированность действий. Данное издание не милитаризирует образ президента, а демонизирует его, используя лексическое многообразие английского языка.

В репрезентации образа В.В. Путина американскими СМИ прослеживается тесная связь с исторически сложившимися стереотипами об

авторитарности российской власти. Одна из самых распространённых номинаций – Путин-диктатор. На страницах современных изданий неоднократно встречается использование данной лексемы, например: «Let's hope the new tactic, like the poisoning, fails; if it does, **the dictator** will have few cards left to play» (The Washington Post, April 27, 2021). В статьях также встречается лексема «tyrant»: «**Tyrants** can be especially **ominous** when they are ludicrous» (The Washington Post, July 17, 2020). Под данными номинациями понимается человек, насильственно захвативший власть. Также стоит обратить внимание на эпитет «ominous», репрезентирующий зловещий, угрожающий образ В.В. Путина. Издание также использует существительное «autocrat», когда повествование ведётся о российском лидере: «U.S. president who alienated allies, ignored climate change and human rights and demeaned his own security community was a dream for **the Russian autocrat**» (The Washington Post, April 23, 2021). Лексические единицы «dictator», «autocrat» и «tyrant» обладают сугубо негативной коннотацией, демонизируя образ российского президента, указывая на его неограниченную власть и способность пользоваться любыми средствами для достижения своих целей.

По стилю правления В.В. Путина зачастую сравнивают с китайским президентом Си Цзиньпином. «**Putin and Xi** have developed increasingly close ties, based in part on their **shared identities as autocratic leaders** who **repress** all political opposition and **demand** total loyalty from those who have benefited economically from their rule» (The Washington Post, May 19, 2021). Данный пример подчеркивает схожесть политики российского и китайского президентов. По мнению американских журналистов, оба лидера являются автократами, сосредоточившими всю власть в своих руках. Глаголы «to repress» и «to demand» репрезентируют жесткость характера президента и безоговорочность его действий. Семантический ряд данных лексических единиц объединен сугубо негативной окраской и связан с применением силы.

Благодаря этому в СМИ создается образ политика, обладающего большой физической силой и волевыми качествами.

На страницах The Washington Post встречаются и такие экспрессивные языковые средства, как, например, существительное «thugocrat»: «This is why virtually the only government leaders that will have anything to do with the IOC anymore are **thugocrats** such as Vladimir Putin and Xi Jinping, who can **coerce labor and spend limitlessly for prestige**» (The Washington Post, May 5, 2021). В данном примере образы двух президентов снова схожи, но на этот раз их называют не просто автократами, а «бандитами». Идеологическое клише «thugocrat» образовано путем слияния корня «thug» и суффикса «crat», который при соединении с другими словами образует лексему, обозначающую человека, обладающего властью. Таким образом, под данной языковой единицей понимается власть, сосредоточенная в руках криминального элемента, использующего свое положение в корыстных, преступных целях. В русском языке данная единица нашла свое выражение в виде номинатива «бандократия». Используя данную номинацию в отношении В.В. Путина, СМИ демонизируют образ политика, характеризуя его как криминального человека, заботящегося только о своем имидже. Кроме того, глагол «to coerce», также обладающий негативной коннотацией, подчеркивает, что российский лидер готов добиваться своих целей, прибегая к угрозам и принуждению. В сознании читателя создается отрицательный и враждебный образ В.В. Путина.

В СМИ не оставили без внимания и некоторые личные качества президента, которые также играют важную роль в репрезентации его образа. Следующий пример подчеркивает такие черты В.В. Путина, как самодержавие и национализм: «Xi and Putin were driven together by both geopolitical necessity and their **autocratic, nationalistic personalities**» (The Washington Post, March 29, 2021). Согласно толкованию, предложенному в словаре Merriam Webster, под национализмом понимается превознесение одной нации над всеми другими [Merriam Webster, 2021]. При помощи

подобной характеристики российского президента, в глазах читателя формируется враждебный образ политика, несущего потенциальную угрозу другим нациям.

Часто в медийном пространстве США встречаются отсылки к направлению внутренней политики российского президента: «Putin is a **“statist”**. There is even a precise word in the Russian language for this ideological orientation: **gosudarstvennik**» (The Washington Post, May 21, 2020). Следует отметить использование журналистами заимствованного слова «gosudarstvennik». Слово «statist» трактуется в Кембриджском словаре следующим образом: «supporting or based on the principle that the government should own or control most of a country's industry and economy» [Cambridge Dictionary, 2020]. Анализируя же значение русского слова «gosudarstvennik», в толковом словаре Т.Ф. Ефремовой находим следующее определение: приверженец сильной государственной власти и сохранения единого государства [Ефремова, 2000]. Таким образом, используя заимствованное слово, автор статьи делает акцент на специфике политических взглядов В.В. Путина, подчеркивая его стремление к неограниченной власти. Интересен и тот факт, что стиль правления российского президента в английском языке объективировался в форме такого выражения, как «Putinism»: «By singling him out, the move was a blunder, one that undermines the Russian people’s fight against **Putinism**» (The Washington Post, March 22, 2021). Как отмечает Энн Эпплбаум, профессор школы экономики, Путинизм – это определенная идеология, основными элементами которой является авторитаризм, нетерпимость к оппозиции и противостояние демократии внутри страны и за рубежом, а также коррумпированность структур власти [Anne Applebaum, 2013]. Кроме того, в издании также подчеркивается жесткость правления В.В. Путина: «The overall sentiment inside the U.S. government is that Erdogan responds better to **Putin-style toughness** than to a warm embrace» (The Washington Post, April 26, 2021). Принимая во внимание перечисленные выше характеристики стиля правления президента, можно прийти к выводу, что в

медиа пространстве США образ В.В. Путина неразрывно связан с исторически сложившимся стереотипом об авторитарности российской власти. При помощи проанализированных языковых средств создается образ жесткого и враждебно настроенного политика, обладающего достаточной силой, чтобы удержать власть в своих руках.

Кроме того, подчеркиваются такие стороны В.В. Путина, как стремление к личной выгоде и связь с криминалом. Ярким представляется и следующий пример: «Tacit Western support of **Putin's kleptocracy** must stop» (The Washington Post, April 27, 2021). В словаре находим следующее определение к слову «kleptocracy»: «government by those who seek chiefly status and personal gain at the expense of the governed» – правительство, состоящее из людей, стремящихся заполучить статус вождя и добиться личной выгоды в ущерб населению [Merriam Webster, 2021]. Таким образом, российский лидер изображается не только политиком с авторитарным стилем правления, но и человеком, который с целью собственной выгоды готов действовать в ущерб населению.

Как нами было упомянуто, одной из особенностей стиля правления В.В. Путина, по мнению американских СМИ, является нетерпимость к инакомыслию. Это также является важным звеном в системе репрезентации образа главы государства. Языковые средства, описывающие политические действия президента, насыщены крайне негативной коннотацией, за счет этого образ политика демонизируется. В американских СМИ В.В. Путин изображается правителем, готовым самыми решительными действиями бороться с оппозиционными движениями. Большой резонанс в новостных изданиях получили взаимоотношения А.А. Навального и В.В. Путина. The Washington Post также активно освещает данную тему. С ее помощью изданию удастся в крайней степени демонизировать образ президента, показав его жестоким, готовым идти на крайние меры политиком, чтобы сохранить свою власть. Например: «Vladimir **Putin's regime is slowly but very intentionally murdering** his leading political opponent, Alexei Navalny» (The

Washington Post, April 9, 2021). В данном фрагменте журналист не говорит о причастности президента к происходящему, однако, под «режимом» понимается политическая система, созданная им. Таким образом, В.В. Путина косвенно обвиняют в «убийстве». Глагол «to murder» создает устрашающий образ президента, подчеркивает его готовность идти до конца в задуманном. Кроме того, сочетание таких эпитетов как «slowly» и «intentionally» репрезентирует высокие аналитические способности президента, которые помогают ему продумать каждый последующий шаг и быть четким в своих действиях. Следующий пример также подчеркивает агрессивность намерений В.В. Путина: «Putin **cracks down on** activists, journalists and opponents such as jailed Kremlin critic Alexei Navalny» (The Washington Post, May 9, 2021). Фразовый глагол «to crack down on» несет значение наброситься, принять решительные меры против чего-либо. Тем самым показывается, что российский президент готов сам встать на борьбу с инакомыслием. Интересен и следующий пример: «Russian President Vladimir Putin is apparently **orchestrating** the semipublic, **slow-motion assassination** of the dissident Alexei Navalny» (The Washington Post, May 5, 2021). Такие языковые единицы, как «to orchestrate assassination» подчеркивают жестокость действий В.В. Путина, а эпитет «slow-motion» создает образ хладнокровного человека. В некоторых же статьях говорится о том, что российский лидер мог приказать расправиться с оппонентом: «Putin himself may have **ordered the killing**» (The Washington Post, April 27, 2021). Данный фрагмент также создает в сознании читателей угрожающий и враждебный образ президента, подчеркивая его связь с криминальными кругами. На страницах издания также упоминаются и другие оппоненты В.В. Путина: «The sixth anniversary, on Feb. 27, of **the murder** of another Russian opposition leader who fought for a vision of a free and democratic Russia – Boris Nemtsov – provides a sobering reminder of the **Putin regime’s willingness to shamelessly eliminate opponents**» (The Washington Post, March 22, 2021). Словосочетание «to eliminate opponents» также демонизирует образ президента, подчеркивая

желание президента сосредоточить власть в своих руках. Эпитет «shamelessly» репрезентирует образ уверенного в своей власти лидера, который не боится, что его противоправные действия придадут огласке. Интересно заметить, что в борьбе со своими оппонентами российский президент прибегает не только к физическому насилию, но и стремится решить данную проблему на законодательном уровне: «a raft of **draconian laws to crush** dissent» (The Washington Post, March 28, 2021). Под драконовскими законами понимается ряд чрезвычайно суровых и неоправданных действий правительства, которые в данном случае направлены на то, чтобы «растоптать» инакомыслие. Данные языковые средства создают образ президента, пользующегося властью в своих личных интересах. Усиливает демонизацию образ и следующий пример: «Putin's move was enabled by a series of constitutional amendments **rammed through** last summer **under the cover** of the pandemic. **Buried** among a **bewildering array** of amendments – 206 in total – was a clause written in **opaque legalese** that gives Putin a personal waiver from presidential term limits, allowing to him to remain in the Kremlin past the end of his current and final mandate in May 2024» (The Washington Post, April 20, 2021). Языковые средства, выделенные в данном фрагменте, акцентируют внимание читателей на том, что В.В. Путин старается действовать тайно, но в то же время настойчиво и планомерно. О намерении скрыть свои действия говорят такие лексические средства, как «under the cover», «buried», «bewildering» и «opaque». С одной стороны, это репрезентирует образ политика, отлично чувствующего ситуацию, а также хорошо разбирающегося в правовой системе государства. С другой стороны, намерение осуществить свои действия, не придавая их огласке, говорит об их неправомерности, а также о желании президента ввести жителей страны в заблуждение и обманным путем осуществить задуманное. Настойчивость действий В.В. Путина передается при помощи глагола «to ram». В его семантике присутствует значение применения силы. Таким образом, данные языковые средства объективируют такие характеристики образа В.В. Путина,

как настойчивость, умение просчитывать ситуацию, а также злонамеренность его действий и желание обманным путем заполучить задуманное.

В некоторых статьях издания The Washington Post В.В. Путина напрямую обвиняют в том, что он использует неограниченную власть в своих интересах. В качестве примера приводятся действия президента, направленные на сохранение президентского поста: «**With every previous power grab, even when he clearly violated the spirit of the law, Putin was careful to pretend to follow its letter – as he did when naming a puppet president (Dmitri Medvedev) to circumvent term limits in 2008, or in the case of the 2018 presidential election, which was held without real opponents but technically conformed to the rules**» (The Washington Post, April 20, 2021). Приведенный фрагмент интересен в первую очередь с точки зрения репрезентации образа нечестного политика, стремящегося любыми путями сохранить свою позицию. Издание подчеркивает, что В.В. Путин захватил власть силой («power grab»), а не получил ее благодаря настоящей поддержке граждан. Кроме того, российский президент идет на различные уловки, чтобы остаться у руля. К примеру, по мнению СМИ, выборы Д.А. Медведева на должность главы государства также являются делом рук В.В. Путина («a puppet president»). Тем самым репрезентируется образ президента готового манипулировать как сознанием граждан, так и своего приемника. Глаголы «to circumvent» и «to pretend» подчеркивают хитрость и высокие умственные способности президента, способного переиграть оппонентов даже на таком высоком уровне, но в то же время В.В. Путин представляется в глазах читателей нечестным политиком, который старается сформировать положительный имидж в глазах народа.

Одной из ведущих тем, затрагиваемой СМИ, является агрессивность действий В.В. Путина, как на мировой арене, так и в сфере внутренней политики. Российского президента изображают властным правителем, угнетающим гражданское общество, например: «The move to label Meduza a “foreign agent” and require this text at the top of its reports is further evidence of

President Vladimir Putin's **aggressive attempt to extinguish** autonomous civil society in Russia» (The Washington Post, May 7, 2021). Глагол «to extinguish» обладает негативной коннотацией и несет в себе значение «уничтожить или истребить». При помощи данного глагола, в сочетании с эпитетом «aggressive», репрезентируется образ В.В. Путина, как политика, идущего против народа. Этой же цели служат и языковые средства в следующем фрагменте: «Mr. Putin has **dramatically escalated his pressure** on civil society in recent months» (The Washington Post, May 7, 2021). Журналисты репрезентируют враждебность образа президента, показывая его холодность и безучастность по отношению к народу. Деятельность президента в целом описывается как злонамеренная: «But it did not target the foundations of Vladimir Putin's power, and so did less than it could have to deter **Mr. Putin's malign activities**» (The Washington Post, April 16, 2021). Прилагательное «malign» обозначает действия, несущие вред или зло. Таким образом, создается образ российского лидера, умышленно совершающего враждебные шаги. Угрозу, исходящую от действий В.В. Путина объективирует и следующий пример: «Russian President Vladimir Putin's **menacing behavior** toward Ukraine» (The Washington Post, May 14, 2021). Издание стремится подчеркнуть враждебность и агрессивность российского президента.

В СМИ также акцентируется внимание на стремлении В.В. Путина отгородиться от населения и окружить себя охраной: «**Shut off** from the public and **surrounded by security services**, Putin has been largely **holed up** in his country **retreat**, protected by a special disinfection chamber for visitors. <...> But then Putin headed off to the Siberian taiga for the weekend as he begins to **clamber out of his reclusion**» (The Washington Post, March 28, 2021). В приведенном фрагменте образ В.В. Путина получает немного другую коннотацию. Журналисты стремятся, во-первых, показать изолированность власти президента («to shut off», «surrounded by security services»), а во-вторых, показать его уязвимость и страх перед народом. Внимание привлекает глагол «to hole up», под которым понимается отшельничество,

укрытие от посторонних, но помимо этого данная языковая единица также используется в значении нахождения в зимней спячке. Можно заметить, что образ В.В. Путина имплицитно сравнивают с медведем, укрывшимся в пещере. Несмотря на то, что в начале фрагмента журналисты репрезентируют образ напуганного политика, окружившего себя охраной, подобная отсылка к дикому зверю настораживает, ведь нет ничего опаснее, чем разбудить медведя, находящегося в спячке. Усиливает чувство опасности и выражение «to clamber out of his reclusion». Читателям дают понять, что российский президент все еще полон сил, чтобы выбраться из своего убежища. Сравнение В.В. Путина с медведем присутствует и в следующем примере: «How successful Biden will be in **taming the Russian bear** remains an open question, but no one can doubt he is a vast improvement over **Putin's pet poodle**» (The Washington Post, April 23, 2021). Проведение подобных параллелей с диким животным акцентирует такие качества президента, как большая физическая сила, выносливость, но в то же время агрессивность и свирепость.

В медиа пространстве США встречаются, в том числе, неприкрытые обвинения в адрес В.В. Путина. Издание называет российского президента «убийцей»: «It's fair to call Putin **a killer**, and some have called him **the devil**, but we can't wait until **hell freezes over**» (The Washington Post, April 11, 2021). Номинативы «a killer» и «the devil» обладают исключительно негативной семантикой. Используя подобные единицы для репрезентации образа президента, The Washington Post стремится внушить читателям ужас перед российским лидером, способным на убийство.

Таким образом, в издании The Washington Post прослеживается тенденция к демонизации образа В.В. Путина. В новостных статьях образ президента репрезентируется при помощи различных лексических средств. Номинативная лексика используется для акцентуации авторитарного стиля правления российского лидера, например, «dictator», «tyrant», «autocrat», «statist», «putinism», «kleptocracy», а также жестокости и злонамеренности его

политики, например, «draconian law», «power grab», «tight grip», «thugocrat», «looting». Языковые средства демонизации образа также представлены группой глаголов, которые, во-первых, подчеркивают требовательность, влияние и неограниченность власти В.В. Путина: «to coerce», «to ram through», «to circumvent», «to escalate pressure», «to disrupt», «to usurp power»; во-вторых, акцентируют агрессивность его действий: «to repress», «to murder», «to orchestrate an assassination», «to order the killing», «to eliminate opponents», «to violate», «to savor the mayhem». Кроме того, приведенные языковые средства репрезентируют и такие личностные качества политика, как властность, твердость, хладнокровность и стремление к единовластию. Последняя группа языковых средств представлена оценочной лексикой, к ней относятся такие прилагательные, как «ominous», «ruthless», «severe», «sweeping», «threatening», «reckless», «menacing», «slowly but intentionally», «slow-motion», «bewildering», «opaque». Данные лексемы подчеркивают враждебность образа В.В. Путина, объективируя его физическую силу, хладнокровность, хитрость и высокие умственные способности, которые позволяют ему переигрывать своих оппонентов и вводить в заблуждение население страны. Более подробно языковые средства представлены в Приложении Б.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

Анализ материалов американских новостных изданий позволил нам выявить особенности использования языковых средств для репрезентации образа президента РФ. Материалом для практической части исследования послужили статьи The New York Times и The Washington Post за период с 2019 по 2021 год, содержащие упоминания о В.В. Путине.

В соответствии с задачами исследования, нами были выявлены особенности формирования образа российского президента и языковые средства его репрезентации. Результаты анализа показали, что в медийном пространстве США существует несколько тенденций формирования образа. Издание The New York Times тяготеет к милитаризации образа В.В. Путина, в то время как The Washington Post демонизирует его. В связи с этим специфика языковых средств, употребляемых при репрезентации образа президента, существенно отличается.

Языковые средства милитаризации образа, представленные в The New York Times, можно условно разделить на три группы: репрезентирующие личностные качества президента, его деятельность и специфику отношений с оппонентами. Мы выяснили, что лексические единицы, относящиеся к первой группе, воссоздают образ образованного, уверенного в себе политика-стратега, который обладает достаточной силой, навыками и выносливостью, чтобы занимать лидирующие позиции на мировой арене. Данная группа представлена следующими языковыми единицами: «to outsmart», «to outmaneuver», «to take advantage», «to ride out», «resilient», «tactical», «diversionary tactic». Вторая лексическая группа представляет особенности политической деятельности В.В. Путина. К данной категории относятся такие языковые средства с военным лексико-семантическим полем, как «lieutenant», «invasion», «victory», «foe», «to serve», «to conceive a plan», «to seize», «to keep the adversary off balance», «to mount an operation», «to subvert», «to maneuver», «to hold an olive branch». Лексемы такого рода нацелены на

создание негативного образа российского президента, акцентируя его агрессивность, жесткость и решительность. Третья группа языковых средств репрезентирует характер отношений между российским президентом и его оппонентами. Издание подчеркивает враждебность образа В.В. Путина. Лексические единицы «command», «assassination attempt», «to order», «to crush», «to silence», «to retaliate», «to harass», «to fight back», «to hurt», «to stifle», «to authorize» объективируют жесткий и строгий стиль общения президента, а также отражают готовность президента жестоко расправиться с конкурентами или же нанести ответный удар.

Языковые средства демонизации образа В.В. Путина, представленные в издании The Washington Post, можно сгруппировать по их частеречной принадлежности. Номинативная лексика репрезентирует авторитарность российского президента, например, «dictator», «tyrant», «autocrat», «statist», «putinism», а также специфику его политики, заключающуюся в жестокости, бандитизме и злоупотреблении властью, например, «draconian law», «power grab», «tight grip», «thugocrat», «looting». Глаголы также можно разделить на несколько категорий: служащие средством акцентуации требовательности, влиятельности и настойчивости В.В. Путина и подчеркивающие хладнокровность и решительность его действий. К первой относятся такие лексические единицы, как «to coerce», «to ram through», «to circumvent», «to escalate pressure», «to disrupt», «to usurp power»; ко второй – «to repress», «to murder», «to orchestrate an assassination», «to order the killing», «to eliminate opponents», «to violate», «to savor the mayhem». Еще одним средством репрезентации образа российского лидера является оценочная лексика. К ней относятся такие языковые единицы, как «ominous», «ruthless», «severe», «malign», «threatening», «reckless», «brazen», «slow-motion assassination», «shamelessly», «savage», «opaque», aggressive. Языковые средства подчеркивают физическую силу, хладнокровность, хитрость и высокие умственные способности президента, благодаря которым ему удастся осуществлять свои цели.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение особенностей средств репрезентации образа политического лидера представляют собой важную и актуальную проблему. Знание этих особенностей помогает эффективнее декодировать тексты политического медиадискурса.

В данной исследовательской работе мы систематизировали теоретический материал о политическом дискурсе, а также рассмотрели основные подходы к изучению политического медиадискурса. Мы также проанализировали особенности изучения «образа» в системе лингвистической науки и пришли к выводу, что главной особенностью образа является его стихийность. Изучение специфики формирования образа главы государства позволило нам установить, что образ является собирательной дискурсивно конструируемой категорией, которая аккумулирует различные стороны исследуемого объекта.

Полученные теоретические знания мы применили для анализа американского медиадискурса на предмет выявления языковых средств репрезентации образа президента РФ. Для решения поставленной перед нами проблемы мы выделили и проанализировали ряд компонентов, формирующих образ политического лидера, а также установили его языковые репрезентанты. В ходе исследования нами было выявлено, что в американском медийном пространстве существует тенденция к милитаризации и демонизации образа Владимира Путина. При создании образа российского президента, чаще всего подчеркиваются его физическая сила, интеллект и военное прошлое. В американских СМИ президент РФ предстает человеком, обладающим огромным влиянием, как в своей стране, так и за ее пределами. Кроме того, и военное прошлое президента накладывает свой отпечаток на его стиль правления. Владимира Путин обладает образом властного тирана, диктатора, представляющего угрозу для других государств.

Решив поставленные задачи, можно прийти к заключению, что основными языковыми средствами репрезентации образа политического лидера являются единицы с отрицательной коннотацией, а также единицы, свойственные военной терминологии. Анализ представленных языковых средств позволяет нам сделать вывод о том, что в современном медийном пространстве США существует тенденция к демонизации и милитаризации образа президента РФ.

Полученные результаты могут служить основой для дальнейшего изучения языковых особенностей политического медиадискурса. Кроме того, данные материалы могут быть использованы для проведения сравнительного анализа особенностей репрезентации образов президента иностранного государства и президента США.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреева Г.М. Социальная психология. М.: Аспект Пресс, 2007. 363 с.
2. Арутюнова Н.Д. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. Энциклопедия, 1990. С. 136 – 137.
3. Берендеев М.В. Образ и дискурс: к вопросу о дискурсивном характере формирования политического лидера // Вестник Балтийского федерального университета им И. Канта, 2011. Вып. 6. С. 91 – 99.
4. Богданов Е.Н., Зазыкин В.Г. Психологические основы «Паблик рилейшнз». 2-е изд. СПб.: Питер, 2003. 208 с.
5. Васюкова И.А. Словарь иностранных слов. М.: АСТ-ПРЕСС, 1998. 236 с.
6. Гаврилова М.В. Лингвистический анализ политического текста // Политический анализ. Доклады эмпирических политических исследований СПбГУ. СПб: СПбГУ, 2002. Вып. 3. С. 88 – 108
7. Гончарова Н.Ю. Общетеоретические основы изучения понятия «Образ» // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2012. Т. 3. Вып. 2. С. 33 – 37.
8. Гринберг Т.Э. Образ страны или имидж государства: поиск конструктивной модели // Медиаскоп. [Электронный ресурс]. 2008. URL: <http://mediascope.ru/node/252> (дата обращения: 15.12.2019).
9. Дейк Т. Ван. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. 312 с.
10. Дектерев С.Б. Лингвистические средства создания образа современного российского политика западными СМИ // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры. Серия: Философия, 2013. Т. 196. С. 62 – 67.

11. Демьянков В.З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. М., 2002. Вып. 3. С. 32 – 43
12. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ. М., Флинта-Наука, 2008. 202 с.
13. Добросклонская Т.Г. Массмедийный дискурс как объект научного описания // Научные ведомости. Серия Гуманитарные науки, 2014. Вып. 22. С. 181 – 187.
14. Добросклонская Т.Г. Новостной дискурс как объект медиалингвистического анализа // Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования: II Международная научно-практическая конференция. Актуальные проблемы современной медиалингвистики и медиакритики в России и за рубежом: II Международный научный семинар. Белгород, НИУ «БелГУ», 5 – 7 октября 2016 г.: сб. науч. р. / под ред. Е.А. Кожемякина, А.В. Полонского. Белгород, 2016. С. 13 – 22.
15. Егорова-Гантман Е.В. Имидж лидера. Психологическое пособие для политиков. Под редакцией Е.В. Егоровой-Гантман. М.: Об-во «Знание» России, 1994. 265 с.
16. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. [Электронный ресурс]. 2000. URL: <https://www.efremova.info/word/gosudarstvennik.html#.XtoqGKAufIU> (дата обращения 05.06.2020).
17. Карасик В.И. Эмблематика самопрезентации в рекламном дискурсе. Рекламный дискурс и рекламный текст : коллектив. моногр. / науч. ред. Т. Н. Колокольцева. Волгоград: Перемена, 2010. С. 70 – 79.
18. Ким М.Н. Технология создания журналистского произведения СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2001. 319 с.
19. Кубрякова Е.С. К определению понятия имиджа // Вопросы когнитивной лингвистики, 2008. Вып. 1. С. 5 – 11.

20. Леонтьев А.Н. Образ мира // Избранные психологические произведения: В 2 т. М.: Педагогика, 1983. С. 251 – 261.
21. Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство / А.Ф. Лосев. 2-изд., испр. М.: Искусство, 1995. 320 с.
22. Матвеева Л.В., Замская М.Д. Роль журналистики в трансформации образа политика в современном мире // Язык СМИ и политика. М.: МГУ, 2012. С. 320 – 355.
23. Маслова В.А. Политический дискурс: языковые игры или игры в слова? // Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2008. Вып. 1. С. 43 – 48.
24. Мельник Г.С., Тепляшина А.Н. Основы творческой деятельности журналиста. СПб.: Питер, 2004. 272 с.
25. Морякина А.Р. Имидж успешного политического лидера (на примере конкретного социологического исследования) // Молодой ученый, 2015. Вып. 13. С. 734 – 740.
26. Никитина К.В. Технологии речевой манипуляции в политическом дискурсе СМИ (на материале газет США): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Уфа, 2006. 22 с.
27. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений. М.: Азъ, 1992. 955 с.
28. Панасюк А.Ю. Формирование имиджа. М.: Омега-Л., 2005. С. 25 – 34.
29. Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Психология. Словарь / Под общ. ред. Петровского А.В., Ярошевского М.Г. М.: Политиздат, 1990. 494 с.
30. Пищева Т.Н. Политические образы: проблемы исследования и интерпретации. Полис. Политические исследования, 2011. Вып. 2. С. 47 – 52.
31. Почепцов Г.Г. Профессия: имиджмейкер. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Алтейя, 2001. С. 150 – 161.
32. Почепцов Г.Г. Паблик рилейшнз для профессионалов. М.: «Рефа-бук», 2005. С. 113 – 122.

33. Прохоров А.В. Специфика лингвистического моделирования имиджа // Вестник ТГУ. Серия: Гуманитарные науки. Филология и искусствоведение, 2013. Вып. 9. С. 254 – 257.
34. Рыбакина А.В. Проблемы политического дискурса. [Электронный ресурс]. 2009. URL: https://pglu.ru/upload/iblock/5b3/uch_2009_ii_00039.pdf (дата обращения: 07.03.2020).
35. Симонова И.Ф. Педагогика имиджа. Монография. СПб.: Ультра Принт, 2012. 304 с.
36. Сидорская И.В. «Образ» или «имидж» страны: что репрезентируют СМИ // Актуальные проблемы исследования коммуникационных аспектов PR-деятельности и журналистики: сб. тр. конф. Псков: Псков. гос. ун-т, 2015. С. 64 – 84.
37. Тичер С. и др. Методы анализа текста и дискурса / пер. с англ. Харьков: Изд-во Гуманитарный Центр, 2009. 359 с.
38. Худяков А.В. Лингвокогнитивные особенности президентского дискурса XX–начала XXI веков (на материале дискурсов президентов России и Франции): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Тамбов, 2018. 196 с.
39. Шепель В.М. Имиджелогия: учебное пособие М.: Народное образование, 2002. 254 с.
40. Шестопал Е.Б. Образы государств, наций и лидеров // Под ред. Е.Б. Шестопал. М.: Аспект Пресс, 2008. 288 с.
41. Applebaum A. Putinism: The Ideology [Электронный ресурс]. 2013. URL: <https://www.lse.ac.uk/ideas/Assets/Documents/updates/LSE-IDEAS-Putinism-The-Ideology.pdf> (дата обращения: 28.05.2021).
42. Boyd-Barrett O. Western Mainstream Media and the Ukraine Crisis [Электронный ресурс]. URL: <https://www.routledge.com/Western-Mainstream-Media-and-the-Ukraine-Crisis-A-Study-in-Conflict-Propaganda/Boyd-Barrett/p/book/9781138579897> (дата обращения: 30.05.2021).

43. Groseclose T. A measure of media bias [Электронный ресурс]. 2005. URL: <http://timgroseclose.com/wp-content/uploads/2015/10/MediaBias.pdf> (дата обращения: 30.05.2021).

44. Image // Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. 2019. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/image> (дата обращения: 28.10.2019).

ПРИЛОЖЕНИЕ А

Языковые средства милитаризации образа

Термин	Толкование	Перевод
Существительное		
adversary	an enemy	враг
assassination attempt	to murder by surprise attack	покушение на убийство
annexation	possession taken of a piece of land or a country, usually by force or without permission	захват территории
belligerent action	be actually at war or engaged in hostilities	военные действия
battle	a fight between armed forces	сражение
command	an order, especially one given by a soldier	приказ
diversionary tactic	activity intended to attract people's attention away from something which you do not want them to think about, know about, or deal with	отвлекающий маневр
exposed position	has no natural protection against bad weather or enemies, for example because it has no trees or is on very high ground	открытая позиция
escalatory approach	tend to become greater in size, seriousness, or intensity	эскалационный подход
force	physical, especially violent, strength, or power	силы
feint	an action taken in order to deceive someone about what you intend to do, for example in war or politics	отвлекающий удар
foe	an enemy	враг
invasion	an occasion when an army or country uses force to enter and take control of another country	вторжение
iron grip	to rule a country, area, group, etc., in a very strict and often cruel way	железная хватка
lieutenant colonel	a commissioned officer in the army, air force, or marine corps ranking above a major and below a colonel	подполковник
lieutenant	a commissioned officer in the navy or coast guard ranking above a lieutenant junior grade and below a lieutenant commander	лейтенант
military buildup	a building up, as of military forces; increase in amount or number	чрезмерные военные приготовления
operation	a usually military action, mission, or maneuver including its planning and execution	операция
political steamroller techniques	(of a government or other authority) forcibly pass (a measure) by restricting debate or otherwise overriding opposition	политический каток
saber rattling	the display or threat of military force	нагнетание военной истерии
tactic	a method of employing forces in combat	тактический прием

Термин	Толкование	Перевод
Существительное		
technique	non-prescriptive ways or methods used to perform missions, functions, or tasks	метод
tenure	feudal tenure of land on condition of performing military service	под командованием
victory	the overcoming of an enemy	победа
weapon	something used to injure, defeat, or destroy	оружие
Глагол		
to authorize	to endorse, empower, justify, or permit by or as if by some recognized or proper authority	вводить на вооружение
to back off	to move away in order to avoid problems or a fight	отступить
to crush	to crush a protest or movement, or a group of opponents, means to defeat it completely, usually by force	разгромить
to conceive and implement plan	to invent start using a plan	разработка и внедрение плана
to deliver a bloody nose	to damage the other side in a war or conflict enough to cause it to withdraw, at least for a time	наносить поражение
to deploy	to deploy troops, weapons, or resources means to make them ready to be used	развертывать
to fight back	to resist an attack	отражать
to face down	to confront and force (someone or something) to back down	противостоять
to force	strong and violent physical action is taken in order to achieve it	принуждать
to harass	to trouble by repeated raids or attacks	изводить
to hold out an olive branch	indicate that you want to end a disagreement	предложить мирное урегулирование конфликта
to hurt	to feel pain in a part of your body, or to injure someone or cause them pain	ранить
to keep the adversary off balance	not steady or upright	не давать противнику привести в порядок свои войска
to launch an all-out assault	to attack something aggressively	перейти в наступление
to mount an operation	to prepare for and begin an operation	организовать операцию
to mount an invasion	to prepare for and begin the act of invading with armed forces	начать вторжение
to maneuver	to manage or plan skillfully or shrewdly; manipulate or scheme	маневрировать
to manipulate	to influence or control someone to your advantage, often without that person knowing it	манипулировать

Термин	Толкование	Перевод
Глагол		
to outmaneuver	evade (an opponent) by moving faster or with greater agility	добиваться преимущества над противником в результате манёвра
to outsmart	defeat or get the better of (someone) by being clever or cunning	переиграть
to order	commands and requests	приказать
to overrun	if an army or an armed force overruns a place, area, or country, it succeeds in occupying it very quickly	захватить
to push	to use force to make something move away from you or away from its previous position	наступать
to put on the defensive	in a state of readiness, willingness, and preparedness to defend oneself against aggression, criticism, or attack	занять оборонительную позицию
to put pressure on	to try to influence or persuade one to do something or act a certain way; to make demands on or expect something from someone	оказывать давление
to ride out	to withstand or endure successfully	выдержать атаку
to retaliate	to return an injury, wrong, etc. for (an injury, wrong, etc. given); requite in kind	нанести ответный удар
to raise tensions	to increase the feeling caused by a lack of trust between people, groups, or countries who do not agree about something and may attack each other	вызвать напряженность
to restart fighting	to start fighting again	возобновить бой
to shot back	to retaliate	отстреливаться
to stifle	to crush or stamp out	подавить
to silence	to kill someone in order to stop them revealing something secret.	подавить
to subvert	to overthrow or destroy	проводить диверсионные действия
to seize	take hold of something quickly, firmly, and forcefully	захватить
to squash	pressed or crushed with such force that something become injured or lose their shape	раздавить
to serve		служить
to trained to be a k.g.b. agent	having been trained by a specified person or organization	подготовить агента кгб
to take advantage	to make use of for one's own benefit	перехитрить
to take over the country	to get control of a country by force	захватить страну
Прилагательное		
belligerent	hostile and aggressive	воинственный
brazen	bold and do not care what other people think about them or their behaviour	бесцеремонный
covert	activities or situations are secret or hidden	засекреченный

Термин	Толкование	Перевод
Прилагательное		
lethal	capable of causing a lot of damage	смертоносный
tactical	an action or plan which is intended to help someone achieve what they want in a particular situation	тактический
resilient	strong and not easily damaged by being hit, stretched, or squeezed	устойчивый

ПРИЛОЖЕНИЕ Б

Языковые средства демонизации образа

Термин	Толкование	Перевод
Существительное		
autocrat	a person in authority who has complete power	автократ
bad blood	a feeling of intense hatred or hostility; enmity	вражда
cutting blow	strike sharply	сокрушительный удар
circle of cronies	a close friend who accompanies his buddies in their activities	круг подельников
dictator	a ruler who has complete power in a country, especially power which was obtained by force and is used unfairly or cruelly	диктатор
draconian laws	extremely severe laws, or go further than what is right or necessary	драконовские законы
kleptocracy	a government where officials are politically corrupt and financially self-interested	клептократия
looting	stealing from shops or houses during a war or riot	мародерство
legalese	the conventional language of legal forms, documents, etc., involving special vocabulary and formulations, often thought of as abstruse and incomprehensible to the layman	невразумительная юридическая терминология
malign activities	baleful activities	злонамеренная деятельность
putinism	the political system of russia formed during the leadership of vladimir putin	Путинизм
power grab	an opportunistic acquisition of power	захват власти
a puppet president	a person whose actions are controlled by a more powerful person	марионеточный президент
putin-style toughness	strength of governmental management	жесткость стиля путина
retreat	a place, such as a sanatorium or monastery, to which one may retire for refuge, quiet, etc	убежище
reclusion	an act of shutting or the state of being shut up in seclusion	затворничество
statist	the state has a lot of control over the economy.	государственник
sweeping crackdown	a strong official action that is taken to punish people who break laws	радиальные крутые меры
tyrant	someone who treats the people they have authority over in a cruel and unfair way	тиран
thugocrat	a government ruled by a group of thugs	головорез
tough guy	a strong man who is not easily injured and is able to deal with difficult or violent situations	бандит
tight grip	to not allow someone or something very much independence or autonomy	жесткая хватка

Термин	Толкование	Перевод
Существительное		
under the cover	to do something without being noticed because of that situation	под прикрытием
Глагол		
to assassinate	to murder (esp. a politically important or prominent person) by surprise attack, usually for payment or from zealous belief	совершать убийство по политическим мотивам
to coerce	to compel or restrain by force or authority without regard to individual wishes or desires	принуждать
to crack down on	to become stricter in making the group obey rules or laws	наброситься на
to circumvent	to avoid having to obey the rule or restriction, in a clever and perhaps dishonest way	обойти
to demand	to request peremptorily or urgently	требовать
to disrupt	to cause disorder or turmoil	вмешаться
to exacerbate differences	to make more intense or sharp	усугублять различия
to eliminate opponents	to murder in a cold-blooded manner	устранять противников
to extinguish	to put an end to; destroy or cause to die out	истребить
to escalate pressure	to increase in intensity	усилить давление
to harass	to trouble, worry, or torment	изнурять
to hole up	to hibernate, usually in a hole	находиться в зимней спячке
to harbor	to serve as, or provide, a place of protection to; shelter or house; conceal or hide	укрывать
to issue a warning	to say or write to tell people of a possible danger, problem, or other unpleasant thing that might happen	вынести предупреждение
to murder	to commit the crime of killing someone deliberately	убивать
to orchestrate assassination	to organize murdering	организовать убийство
to order the killing	ask to kill someone	заказать убийство
to pretend	to claim; profess; allege	притворяться
to pass to menace and sabotage	to threaten with violence, danger or to destroy	перейти к угрозе и саботажу
to repress	to control so strictly or severely as to prevent the natural development or expression	репрессировать
to ram through	to force the passage or acceptance of usually over considerable opposition	протолкнуть
to shut off	to separate; isolate	изолироваться
to savor the mayhem	to enjoy a situation in which there is little or no order or control	наслаждаться беспорядками
to tame	to control something dangerous or powerful	укрощение
to usurp power	to seize or exercise authority or possession wrongfully	узурпировать власть
to violate	to break, disregard, or infringe	нарушать

Термин	Толкование	Перевод
Прилагательное		
aggressive	characterized by or tending toward unprovoked offensives, attacks, invasions, or the like; militantly forward or menacing	агрессивный
bewildering	extremely confusing	запутанный
buried	to cover up so as to conceal	захороненный
menacing	likely to cause you harm or put you in danger	угрожающий
nationalistic	if you describe someone as nationalistic, you mean they are very proud of their nation	националистический
ominous	portending evil or harm; foreboding; threatening; inauspicious	зловещий
opaque	not transmitting light; not transparent or translucent	скрытый
powerful	having great power, force, potency, or effect	могучий
ruthlessly	feeling or showing no mercy; hardhearted	безжалостно
reckless	having or showing no regard for danger or consequences; heedless	безрассудный
slow-motion	moving or functioning at less than usual speed	замедленный
severe	rigorous or harsh in the treatment of others	суровый
sweeping	comprehensive and wide-ranging	сокрушительный
threatening	tending or intended to menace	угрожающий

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра теории германских языков и межкультурной коммуникации
45.03.02 Лингвистика

УТВЕРЖДАЮ

Заведующий кафедрой ТГЯиМКК

 О.В. Магировская

« 21 » июня 2021 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

**ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОБРАЗА
ГЛАВЫ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В
АМЕРИКАНСКИХ СМИ**

Выпускник

Е.В. Воробьева

Научный руководитель

канд. пед. наук,
доц. каф. ТГЯиМКК
Е.В. Еремина

Нормоконтролер

М.В. Файзулаева

Красноярск 2021